

Дарья Донцова

Жена Моего Мужа

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Жена моего мужа

«ЭКСМО»

2000

Донцова Д. А.

Жена моего мужа / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2000 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Как доказать невиновность человека, если все улики против него? По обвинению в убийстве своей седьмой жены арестован Максим Полянский. Но детектив-любитель Даша Васильева уверена, что ее бывший муж не мог выстрелить в лицо спящей женщине. Она решает найти настоящего преступника. Но силы явно неравны. Таинственный убийца все время опережает ее, оставляя на своем пути новые трупы. В пылу погони Даша забывает о бдительности и за эту ошибку может заплатить своей жизнью. Но убийца не знает, с кем связался. От Даши еще не уходил ни один преступник.

© Донцова Д. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Донцова

Жена моего мужа

Глава 1

Я шла по темному лесу. Дорога вилась между мокрыми стволами деревьев, потом резко свернула влево, и перед глазами предстало довольно большое сельское кладбище. Выглянувшая на мгновение из-за туч тусклая луна выхватила из темноты старые надгробия и кресты. Железные ворота под напором ветра издавали пронзительный скрип.

Я слегка замедлила шаг, чувствуя, как холодок побежал по позвоночнику. Но делать нечего – придется двигаться вперед. Стало совсем темно, ноги разъезжались на глинистой почве, где-то вдалеке заухала сова. Я шла ни жива ни мертва от ужаса.

– Даша, – донеслось откуда-то из-под земли, – Дашутка, иди сюда.

Почти потеряв рассудок, я двинулась на зов.

– Сюда, сюда, – звал голос, – скорей, ко мне.

Наконец, с трудом вытаскивая из липкой грязи ступни, я добралась до свежевырытой ямы, чьей-то будущей могилы, и заглянула внутрь.

На дне в луже лежал мой бывший муж Максим Полянский, почему-то одетый в женский сарафан.

– Дарья, помоги, – прошелестел он и стал тянуть вверх руки.

Оцепенев, я наблюдала, как его предплечья удлинняются, удлинняются и ладонь подбирается к краю могилы...

Ледяная жуть сковала сердце, ноги начали мелко дрожать, из груди вырвался нечеловеческий вопль.

Вдруг все исчезло, и я услышала легкое повизгивание, потом приятная теплая тряпочка пробежала по лицу. Глаза открылись, тело само собой село в кровати.

На постели, отчаянно вертя хвостом, ерзал пит-бультерьер Банди. Очевидно, услышав, что хозяйка орет во сне дурниной, пес вскочил на кровать и принялся лизать мне лицо.

– Спасибо, милый, – пробормотала я, – надо же, какой кошмар приснился!

Будильник показывал ровно восемь утра, по моим понятиям – несусветная рань. Открыв тумбочку, я нащарила любимые «Голуаз» и с опаской закурила. И сын, и дочь, и невестка категорически запрещают дымить в постели. Но моя спальня расположена в правом крыле второго этажа нашего дома, а их комнаты – в левом. Авось не унюхают. И притом, надо же успокоиться, экая чушь привиделась.

Я вылезла из-под тепленького пухового одеяла и подошла к окну. Наш сад цвел буйным июньским цветом. На небе ни облачка, солнышко уже припекает. День обещает быть чудесным.

Но страшный сон не выходил из головы. Совершенно не верю во всякую чепуху типа предчувствий, но мне никогда ничего не снится. Тем более Максим.

Полянский был вторым в череде моих четверых мужей, и прожили мы всего ничего – около двух лет. В то далекое время Максим походил на молодого Есенина – белокурый, с ясной улыбкой. Характером Макс обладал замечательным. Никогда не сердился, ел все подряд, не обращал внимания на отсутствие чистых рубашек и носков, не пил и практически всегда находился в хорошем настроении. Жить бы нам да радоваться, но и на солнце обнаруживаются пятна. У Максима их оказалось два – патологическая, невероятная любовь к дамскому полу и дорогая мама Нина Андреевна.

Возможно, я когда-нибудь и смогла бы привыкнуть к бесконечной череде постоянно меняющихся любовниц! Хотя появление мужа около часу ночи с виновато бегающими глазами не радовало.

– Дусик, – раскаивался супруг, целуя меня в лоб, – Дусик, люблю тебя больше всех, а это так, для вдохновения.

И он быстренько бежал в ванную, распространяя запах чужих духов. Беда состояла в том, что Макс походил на Есенина не только внешне, муж тоже пописывал стишки и даже выпустил небольшой сборничек. Поэтическая натура требовала постоянной подпитки, отсюда – бесконечные романы и любовные приключения.

Но если с батальонами дам сердца еще можно было примириться, то любимая свекровь – это то, перед чем я спасовала.

Забыть ее первый визит ко мне в гости невозможно. Обитала я тогда в Медведкове, в двухкомнатной «распашонке», с кухней-«мыльницей».

Нина Андреевна сняла сапоги, протянула Максу пальто и радостно сказала будущей невестке:

– Как у вас мило! Мне нравится, когда люди не гоняются за красотой и уютом, не делают фетиша из домашнего хозяйства, а просто живут, как живется.

Я вздрогнула. Накануне три часа драила «хрущобу», чтобы понравиться предполагаемой свекрови. Нина Андреевна присела к столу и принялась расхваливать угощение:

– Тортик! Великолепно, давно не ела ничего готового. Просто надоело: как придишь куда-нибудь, все домашнее подсовывают – пирожки, кулебяки... А у вас покупное, чудесно! Правильно, деточка, нечего с молодых ногтей в домохозяйку превращаться.

– Но, мама, – завел Макс.

– Замолчи, замолчи, – велела свекровушка. – Не позволю обижать Дашу, всегда стану на ее сторону, даже если она и чуть-чуть не права.

Вот так! После свадьбы я с маленьким сыном Аркадием переселилась в необъятные генеральские хоромы на улице Воронова. Потекла семейная жизнь, закончившаяся через два года нашим с Кешкой поспешным бегством назад, в Медведково.

Улепетывали в одиннадцать ночи, пользуясь тем, что Нина Андреевна легла спать, а Макс загулял с очередной дамой. У меня в руках покачивался чемоданчик с немудреными вещичками, Кешка, отдуваясь, тащил в корзинке огромного и тяжеленного кота Себастьяна. Мы не претендовали ни на какое совместно нажитое имущество, польстились только на кота.

Потом Нина Андреевна несколько месяцев звонила мне, призывая вернуться. Но Макс вскоре женился на Люське, и общение прекратилось. Правда, бывший супруг никогда не забывает поздравить меня с Новым годом, днем рождения и 8 Марта. На самом деле он милый, но общаться с ним лучше издалека, в качестве подруги, а не жены.

Я завернулась в халат и пошлепала на первый этаж в столовую. Сколько же лет прошло со дня развода с Полянским? Страшно сказать! Так долго не живут! И за это время с нами со всеми произошло много удивительных метаморфоз.

В середине 80-х моя ближайшая подруга Наташка очутилась после развода буквально на улице. Мы тогда вместе работали в заштатном техническом вузе на никому не нужной там кафедре иностранных языков. Я вталкивала в тупые головы студентов начатки французской грамматики, а Наталья трудилась лаборанткой. Бедная подруга спала несколько ночей на кафедре, раскладывая после ухода сотрудников диван. Узнав об этом, я моментально забрала ее к себе в «распашонку». Так и стали жить все вместе – Наташка, Аркадий, моя дочка Маша, собачка дворянских кровей по кличке Снапик, кошка Клеопатра, морская свинка Патрик, хомяк Фома и ваша покорная слуга. Кушать хотели все, в особенности Фома, в негодовании трясший свою коробку, когда задерживался ужин. Зарабатывали мы с Натальей, как сейчас

помню, двести рублей на двоих. Поэтому по вечерам я носилась по частным урокам, сшибая полтора рубля за час.

Так и жить бы нам в нищете, но в самом начале 90-х Наталья встретила француза и вышла за него замуж. Из голодранки она превратилась в баронессу Макмайер. Естественно, что вся семья отправилась в Париж. Но счастье подружки оказалось недолгим. Жана Макмайера, мужа Натальи, убили, и подруга внезапно трансформировалась в ошеломляюще богатую вдову. Теперь ей принадлежали отлично налаженный бизнес, крупное состояние, коллекция уникальных картин и дом в предместье Парижа.

Мы поселились в столице моды. Но ностальгия – смертельная болезнь, и члены семьи принялись ломать головы, как бы так устроиться, чтобы жить и во Франции, и в России...

Но тут грянули перемены. Разрешили двойное гражданство. Теперь мы не боимся ничего, потому что каждый имеет на руках два паспорта – красный, российский, и синий, французский. Не страшны и экономические кризисы – капиталы размещены во Французской Республике, в России только счет, через который переводим средства. Вот так и живем – полгода тут, полгода там, на два дома, на две страны.

А дом у нас теперь большой. Двухэтажный кирпичный особняк в поселке Ложкино. В здании комнат двадцать, но это не так много, если учесть, сколько человек там проживает.

Значит, так. Старший сын Аркадий, его жена Оля и двое близнецов – Анька и Ванька. Потом тринадцатилетняя Маруся, следом я и Наташка. На первом этаже разместились домработница Ирка, кухарка Катя и няня близнецов Серафима Ивановна. По бесконечным коридорам носится тьма животных: пит-буль Банди, ротвейлер Снап, пуделиха Черри, английский мопс Хуч, кошки Клеопатра и Фифина, йоркширская терьерка Жюли. Иногда к ним присоединяются удравшие из клеток попугай Коко и морские свинки Морис, Жюстина и Патрик. Частенько приезжают в гости родственники и друзья со всех концов России. Так что, если рассудить, двадцать комнат – это еще мало.

Получив несметное состояние, мы разом превратились в «новых русских», правда, со старыми замашками. Все пытаемся работать и учиться. Аркашка окончил юридический и стал адвокатом. Ольга, имеющая дома кличку Зайчик, преодолевает иняз, Маня пока ходит в лицей, но одновременно посещает и Ветеринарную академию, готовится стать «собачьим доктором». Еще она пишет маслом жуткие картины, почему-то моментально продающиеся. Наталья удралась в писательство, создает любовные романы. Причем издают ее невероятными тиражами. Закончив очередной шедевр, подруга несет мне рукопись. И приходится, скрежеща зубами, читать «Страсть под луной» или «Таинственного любовника». Ненавижу подобную литературу! Мое сердце безраздельно отдано криминальным историям. Пару раз приходилось самой распутывать сложные дела! Охотней всего работала бы частным детективом.

Дома у нас все, кроме меня, встают рано. Поэтому когда в половине девятого я спустилась в столовую, там обнаружился только Кеша, в спешке допивавший утренний кофе. Зайка и Машка уже уехали учиться, а из-под двери Наташкиного кабинета немилосердно дуло. Подруга вчера улетела в Париж.

– Мать, – удивился сынок, – какая тебя муха укусила? Может, заболела? Чего вскочила в такую рань?

Я пожала плечами:

– Спать расхотелось, и настроение паршивое.

Тут зазвонил телефон, причем не Аркашкин мобильный, а стационарный аппарат. Очень странно, кто это беспокоит в полдевятого?

– Даша, – прозвучало в трубке, – узнаешь?

Ну надо же. Словно продолжением дурного сна из мембраны рвался голос Максима:

– Дарья, помощи. Кроме тебя, позвонить некому. Прошу, не бросай маму, одна осталась.

Ей очень тяжело. Будь человеком, не покидай старуху!

В ухо понеслись гудки отбоя. Я в обалдении уставилась на аппарат. Мне это снится? Или Макс и правда только что звонил?

– Да что случилось? – недоумевал Кешка.

– Помнишь Макса Полянского?

– Второго мужа? Смутно.

Я рассказала Аркашке про сон и про звонок.

– Господи, – засмеялся сынуля, – небось напился и несет невесть что.

Напился? Во вторник, в полдевятого утра? Насколько помню, Макс не любил спиртного. Хотя люди меняются. И почему это Нина Андреевна одна? А Вероника, седьмая жена Максима? Они жили вместе почти пять лет, и, кажется, вполне мирно! Что там случилось?

Я выхватила телефон и набрала полузабытый номер на улице Воронова. Трубку долго не снимали, наконец где-то вдали прошелестел дрожащий старческий голосок:

– Аллю.

– Позовите Нину Андреевну.

– Слушаю.

Я оторопела. Бывшая свекровь всю жизнь разговаривает бодрым, просто пионерским тоном. Малознакомые люди часто говорят ей: «Деточка, позови маму».

– Нина Андреевна, это Даша, бывшая жена Макса, что у вас случилось?

Воцарилась тишина. Потом робкий голосок вновь прошелестел:

– Дашута, горе, несчастье, беда.

– Да что произошло?

– Макс в тюрьме.

– Как? А где Вероника?

Свекровь помялась и заплакала, сквозь всхлипывания я с трудом разобрала невероятную информацию:

– Нику убили, застрелили.

– Кто?

– Макс.

Я чуть не села мимо кресла. Старуха продолжала захлебываться слезами, и разобрать ее слова было невозможно.

Я заметалась по комнате. Немедленно еду к Полянским.

Глава 2

К дому на улице Воронова добралась около десяти. Давно не приходилось бывать в этом районе, а семиэтажное здание с колоннами все такое же. Правда, теперь выкрашено серой краской да на фасаде прибавилось мемориальных досок. Здание принадлежало Министерству обороны, и на каждом этаже жило по три генерала, а то и маршала.

Огромный мраморный холл с бабушкой-лифтершей сразу навеял не лучшие воспоминания, вот дверь со знакомым номером «7». Я принялась жать на звонок. Изнутри не доносилось ни звука. Наконец звякнула цепочка, створка двери приотворилась. На пороге появилась незнакомая серенькая старушка в грязноватом халатике. Всклопоченные, судя по всему, давно не мытые волосы стоят дыбом, ноги босые. Что это за чучело и куда подевалась Нина Андреевна?

– Дашенька, – прошептала неизвестная старушонка, – совсем не изменилась, красавица. А у меня какое горе!

Я глядела на бабульку во все глаза. И это моя бывшая свекровь? Бог мой, да раньше она никогда не появлялась из спальни без легкого макияжа и укладки. И когда же с ней произошла подобная метаморфоза? Год тому назад мы столкнулись в театре. Нина Андреевна изумительно выглядела: стройная, с прямой спиной, на неизменных каблуках.

Шаркая разношенными тапками, свекровь повела меня внутрь необъятной квартиры. Я снова испытала шок. Здесь не осталось ничего, что напоминало бы гигантские шестикомнатные апартаменты, где протекала наша недолгая семейная жизнь с Максом. В квартире явно сделали капитальный ремонт. Потемневший пол заменили наборным паркетом, стены выкрасили в белый цвет, вместо дверей – арки. Между кухней и бывшей комнатой Аркашки сломали перегородку, превратив место приготовления пищи в более чем тридцатиметровое помещение. Кругом ковры, зеркала, бронза и кожаная мебель. Интересно, откуда у Макса деньги?

Насколько помню, раньше супруг не хотел и не умел зарабатывать.

Нина Андреевна позвякала чайничком.

– Наверное, кофе хочешь? Но он, к сожалению, закончился, впрочем, чай и сахар тоже.

Она села на табуретку, подперла морщинистую щеку сухой ручкой и безнадежно заплакала. У меня защемило сердце. Так скулит на морозе маленькая бездомная собачка, поджимая замерзшие лапки. Раньше никогда не видела свекровь в слезах!

Я подошла к холодильнику и распахнула дверцу. На верхней полке скучал пол-литровый пакет кефира, больше ничего.

– Да объясните наконец, что произошло.

Нина Андреевна утерлась кухонным полотенцем и сообщила невероятные вести.

Оказывается, в начале девяностых Максим разительно переменился. Если раньше он день-деньской полеживал на кровати, пописывая вирши, то теперь спешно кинулся искать работу. В огне повышения цен сгорели все накопления, сделанные запасливым отцом-генералом. Все сто восемьдесят тысяч рублей – столько денег лежало у них с матерью на сберкнижке до того момента, как сбережения начали стремительно обесцениваться. Такой суммы при коммунистах хватило бы на три жизни, и Максим мог позволить себе выбрать профессию поэта.

Но в 92-м году они с матерью уже жили только на ее копеечную пенсию. Не привыкшие отказывать себе ни в чем, тратили пособие, едва успев отойти от окошка. Потом начали продавать вещи. В общем, жизнь показала зубы. Сначала ушла к другому жена Лена, затем кончились драгоценности матери. И наконец настал момент, когда Нина Андреевна пошла собирать бутылки.

Этого Макс не вынес. Мать он обожает. Мужик призадумался и решил заняться бизнесом. После нескольких бессонных ночей нащупал свою стезю.

В столицу в то время совсем не поступали яйца. Москвичи приносили друг другу в подарок по яичку. Впрочем, тогда не было ничего. Это из тех лет шутка: «Если в гостях вымыли руки с мылом, чай пьете без сахара». Так что в принципе можно было начать торговать чем угодно. Но Максу запали в душу куриные яйца.

Сначала он взял у приятеля машину, съездил в деревню Глебово, где расположена птицефабрика, и привез назад 1000 штук, купленных по оптовой цене. На следующий день встал у метро и продал их за... двадцать минут. Дальше понеслось как в сказке. Купил 2000, 3000, 4000... Бизнес завертелся. Конечно, не без шероховатостей. Пару раз наезжали бандиты и милиционеры. Но у Макса открылся настоящий талант продавца и дипломата. К 1995-му все проблемы были улажены. Покой оберегала «крыша», получавшая неплохой процент. Милиция тоже имела свой сладкий кусок. Макс начал нанимать продавцов, в основном беспаспортных украинок и белорусок. Дальше – больше: открыл офис и монополизировал рынок. На сегодняшний день ни одно куриное яйцо в Москве нельзя продать или купить, минуя Макса. Несколько раз конкуренты пробовали завезти в столицу яйца из Польши, но попытки закончились неудачно. Приехавшие братки просто переколотили «левый» товар, пригрозив хозяевам. Другие не рисковали.

Наверное, свяжись он с водкой или бензином, дела не пошли бы так успешно. Слишком уж лакомый кусок данные «продукты». А яйца! В криминальной среде этот товар считался чем-то несерьезным, даже смешным. К тому же еще и очень неудобным – быстро портится, бьется и часто неаккуратно выглядит. Среди торговцев и криминалитета Полянский получил кличку Желток.

В 95-м мужик превратился в богатого человека, имевшего все внешние признаки финансового благополучия: навороченный джип, дом в Подмосковье, сотовый телефон, золотая цепь на шее и дорогие часы. Два раза в год он ездил отдыхать в Таиланд и на Багамы в обществе своей мамы. Нина Андреевна вновь обвесилась драгоценностями. В родительской квартире осуществили гигантский ремонт, превратив темноватые, запущенные комнаты в сверкающие залы.

В ноябре 94-го Макс председательствовал в жюри конкурса красоты, на организацию которого пошло немало «яичных» денег. Любовь Полянского к бабам не имеет предела, поэтому созерцание полуголых красавиц доставляло Максу огромное удовольствие.

Победительница Вероника Медведева, получая из рук председателя приз, шепнула:

– Обожаю вас.

Полянский растаял. Красотка глядела на него в упор огромными карими глазами, невинно хлопая ресницами. Вблизи девчонка оказалась еще лучше, чем со сцены. Естественно, Макс позвал «мисску» в ресторан. В январе 95-го сыграли шумную свадьбу.

Вероника мечтала об артистической карьере, поэтому летом Макс спонсировал художественный фильм «Лебединая песня». Лента получилась так себе, но хорошо подмазанные критики дали в прессе ряд благожелательных статей о главной героине. Потом Вероника получила роль в телесериале «Наши друзья». Смотреть эту нудятину оказалось просто невозможно, но почти два месяца госпожа Полянская каждый день появлялась на телеэкране, старательно изображая целомудренную девушку, на голову которой отчаянно сыпались несчастья. После завершения сериала Вероника велела звать себя Николеттой и загордилась чрезвычайно. Она таскалась вечерами и ночами по бесконечным тусовкам, участвовала в шумных скандалах, иногда напиваясь до поросычьего визга. К «актрисе» наконец пришла известность. Бульварные газеты со смаком описывали ее бесконечные подвиги. То Полянская подожгла скатерть в ресторане, обнаружив, что ее обсчитали, то на предельной скорости удирала по Минскому шоссе от гаишников, то появлялась на вечеринке в черном платье под горлышко спереди при фактически полном отсутствии материи сзади – короче, всего не перечислить.

Не знаю, как относился к подобным чудачествам Макс, но Нина Андреевна говорила о невестке, брезгливо поджимая губы:

– Совершенно ненормальная девица. Изумительно хороша, лицо мадонны, да и только. Но ты бы послушала, как она ругалась матом! Дымила все время вонючими сигаретами и звала меня Нинель. Представляешь, 23 февраля зашел Олег Сергеевич помянуть папу, так Вероника принимала наравне с ним и в результате перепила старика.

Я хихикнула. По прежним временам бравый генерал Ковтун, не морщась, брал на грудь по полтора литра водки. Сейчас, наверное, слегка снизил планку, но все еще боец. Ай да Вероника, представляю, как Олег Сергеевич сконфузился.

– Что тебя так рассмешило? – властно сказала свекровь, в ней на минуту проснулась прежняя Нина Андреевна. – Ведь знаешь, как отношусь к женам Максима – прощаю все и всегда на их стороне. Но Ника – исчадие ада! И надо же, чтобы они прожили столько лет!

Но в конце 98-го Полянскому, очевидно, надоели бесконечные скандалы и истерики, потому что он завел себе любовницу. Романы случались у мужчины и в прежние года, он просто не мог существовать без кобелирования. Но в ноябре прошлого года появилась настоящая страсть. Студентка 3-го курса мехмата Яна Соколова. Девчонке едва исполнилось двадцать, Макса, как всегда, тянуло к молоденьким. Вероника как раз начала сниматься в следующей картине, и муженек с головой ухнул в новую любовь. Студентка оказалась полной противоположностью Нике – тихая, спокойная, умная и рассудительная. Но, к сожалению, внешне пассива походила на больную мышь. Серенькие волосики, тусклые глазки, бесцветные щеки и губы. Очевидно, Макс перекушал сладкого, и его организм потребовал кисленького.

Трагедия произошла в первых числах июня. Пятого вечером Вероника неожиданно осталась дома. Более того, принесла огромный торт и позвала свекровь пить чай. Нина Андреевна, обожающая пирожные, от души наелась бисквита. Через какое-то время старуху неудержимо потянуло ко сну, и она бухнулась в кровать, не дожидаясь любимой программы «Время». Макс якобы проводил какое-то совещание.

Проснулась Нина Андреевна поздно, около двенадцати. Придерживая почему-то отчаянно болевшую голову, женщина двинулась на кухню. Сначала ей показалось, что дома никого нет. Потом она увидела в холле сумку Вероники, ее плащ и разбросанные по полу туфли. Дверь в спальню невестки была открытой. Свекровь заглянула и констатировала, что Ника преспокойненько спит, закрывшись с головой одеялом. С кровати свешивалась голая нога.

Ничего особенного в такой ситуации не было. Актриса могла проплясать до утра, а после обычно отсыпалась. На кухне на столе обнаружилась пепельница, полная окурков «Мальборо», и Нина Андреевна поняла, что Макс ночевал дома.

Вытряхнув бычки, свекровь принялась хлопотать по хозяйству. Но тут позвонил телефон. На другом конце провода оказался страшно злой режиссер Мотылев. Оказывается, Нику ждали к полудню на съемки. Нина Андреевна позвала невестку, та не откликнулась.

Недоумевая, женщина дошла до спальни и крикнула во всю мочь:

– Николетта, вставай!

Вероника, обычно просыпавшаяся от полета мухи, продолжала лежать неподвижно. Обозленная свекровь ринулась к кровати и дернула одеяло. Увиденное запечатлелось в ее мозгу на всю жизнь.

По шелковой черной наволочке разметались короткие рыжие пряди. Несколько дней тому назад Вероника остригла роскошные белокурые локоны и выкрасилась в цвет взбесившейся лисицы. Сейчас же волосы показались Нине Андреевне багровыми. Они и впрямь были темно-красными, потому что вместо прекрасного лица зияло жуткое месиво. Кровь залила все кругом – белье, одеяло, прозрачную ночную сорочку. Бурой коркой покрылись шея и грудь несчастной.

Нина Андреевна в ошолоблении застыла, сжимая в руках телефонную трубку, из которой доносился гневный голос Мотылева. Тут хлопнула входная дверь, пришел радостный Макс. Под мышкой он тащил огромную коробку конфет «Вишня в шоколаде». Быстрым шагом Полянский зашел в спальню жены и... упал в обморок. Эксперт потом собирал по всем углам рассыпавшиеся шоколадки.

Не потерявшая до конца присутствия духа, мать немедленно вызвала «Скорую помощь». Врач брезгливо глянул на то, что осталось от красавицы Вероники, и немедленно обратился в милицию. Вскоре прибыли оперативники. Страшная машина расследования медленно заворачивалась, скрипя шестеренками. Мгновенно Макса арестовали, обвинив в убийстве жены. Мужика сволокли в Бутырскую тюрьму. Каким-то образом, беспокоясь за мать, он ухитрился через несколько дней позвонить мне.

За несколько ночей, прошедших после ареста сына, Нина Андреевна постарела на двадцать лет. К тому же она осталась без копейки. На все счета моментально наложили арест. Старых друзей Макс растерял, а новые, прослышав про неприятности Желтка, предпочли забыть его телефон.

– Надо нанять адвоката, – сообщила я.

– Деточка, – всхлипнула свекровь, – все зря. Это он убил бедняжку.

– Откуда такая уверенность?

– Полно свидетелей, видевших, как Максим возвращался домой около двенадцати. Его заметила лифтерша, двое соседей. Правда, сын утверждает, что не ночевал дома, лепетал какую-то ерунду про беспробудный сон. Но это так глупо. И потом, я видела окурки, а «Мальборо» курит только он.

– Рассказали милиционерам про пепельницу?

– Нет.

– Чудно – одной уликой меньше, но все равно нужен адвокат, – повторила я в задумчивости.

Нина Андреевна с надеждой уставилась на меня. Следовало действовать решительно.

Сначала я понеслась в ближайший супермаркет и до отказа набила холодильник старушки едой. Потом, велев ждать новостей, поехала домой. Следовало подключить Аркадия. По дороге, естественно, попала в пробку. Стоя в бесконечной очереди на Садовом кольце, никак не могла избавиться от мысли: зачем было Максиму убивать Веронику?

Девушка стала его седьмой женой. С предыдущими супругами Макс развелся вполне мирно, более того, ухитрился сохранить со всеми приятельские отношения. Он никогда не был жадным или злопамятным и с готовностью помогал «бывшим». Во всяком случае, когда я в конце мая 1983 года сломала ногу, а Наташка заболела корью, Полянский взял Аркашку на все лето к себе на дачу. Нина Андреевна возилась три месяца с мальчишкой, ни разу не пожаловавшись на его шkodный характер. Следует добавить, что к тому моменту мы уже были давно в разводе и Аркадий не сын Макса.

И еще – Полянский самозабвенно любит женщин. Любая дама, даже страшная, как атомная война, получает от него вполне искренние комплименты. Молоденьких он обожает, дамами средних лет восхищается, старушек почтительно выслушивает. Его практически невозможно вывести из себя.

Макс из той редкой категории мужчин, которые замечают цвет платья и тон помады. По вечерам он может по десять минут возиться с занавесками – складки на гардинах должны спадать красиво. Сахарница всегда стоит посередине стола, потому что сбоку не смотрится, полотенца в ванной выравниваются чуть ли не по линейке. Вид колготок, забытых на кровати, ранит Макса, как нож. Он органически не переносит надколотов посуды и мятых кухонных тряпок. Всю жизнь Полянский окружает себя красивыми вещами. Ну не способен он пить чай из эмалированной кружки и есть картошку со сковородки!

Макс никогда не выстрелит жене в лицо. Скорее всего предпочтет решить проблему привычным путем – даст денег, купит квартиру... Ну, предположим, все-таки замыслил убить! Схватится за пистолет? Да никогда. Вероятнее всего, отравит, потом уложит аккуратно в кровати, закроет покрывалом, разгладит складки... Все должно выглядеть красиво. Есть еще один момент. Бывший супруг совершенно не выносит вида крови. Бедолага всегда брился только электробритвой, чтобы не дай бог не порезаться. Однажды Кеша разбил коленку, а Макс упал в обморок.

И такой человек хладнокровно выстрелил в лицо спящей жене-красавице? Потом кое-как натянул на фонтанирующую кровью рану одеяло и ушел? Ни за что не поверю. Что-то здесь не так.

Глава 3

Когда я примчалась домой, Аркашка сидел за компьютером. Сын совсем недавно обрел диплом адвоката. Больше всего ему хотелось получить в руки какое-нибудь интересное дело. Но Кешке не везло. Всех мало-мальски перспективных клиентов расхватывали более опытные коллеги по консультации. Мой адвокат заполучил пока только двух подзащитных. Один продавал испорченный маргарин, выдавая несъедобный продукт за первоклассное «Вологодское» масло. Другой украл машину в своем дворе и попытался продать тачку соседу из другого подъезда своего же дома. Сам Перри Мейсон спасовал бы, защищая подобных придурков! Последние два месяца бедный ребенок сидел в консультации, отвечая на вопросы граждан. Мне было жаль его до слез, но настоящие клиенты все не попадались.

– Послушай, – налетела я на него, – нанимаю тебя защитником.

Аркашка отъехал от компьютера и хмыкнул:

– Разбила чужую машину, когда парковала свой «Вольво»?

Дежурные шутки домашних по поводу того, как я ловко вожу машину, надоели до полусмерти. Я села в кресло и изложила сыну суть дела. Аркашка притих и задумался.

На следующий день мы принялись действовать с самого утра. Сначала внесли в кассу консультации необходимую сумму денег, и Аркадий поехал к следователю знакомиться с делом. Я же подалась в Бутырскую тюрьму. Следовало добиться свидания, чтобы поговорить с Максом.

СИЗО-2, который народ называет Бутыркой, расположен на Новослободской улице. Мрачное здание скрыто от прохожих во дворе светло-кирпичного дома.

Я несколько раз уже бывала здесь и даже содействовала побегу заключенного, поэтому хорошо представляла тамошние порядки.

В полуподвальном помещении задыхалось человек пятьдесят. Внутрь пускают по двадцать. Свидание длится час. На сегодня мест нет, впрочем, на завтра и пятницу – тоже. Я молча выслушала словоохотливых женщин и вышла в маленький предбанник, где толпился народ с пудовыми сумками. Потом, спустившись на четыре ступеньки вниз, оказалась в другом полуподвале, где стоял тихий гул. Тут принимали передачи, и я знала, как действовать.

Подойдя к одному из раскрытых окошечек и дождавшись, когда очередная потная тетка сдаст колбасу и сушки, я сунула под решетку паспорт. Толстомордая блондинка залаяла как овчарка:

– Чего паспорт суешь? Тут только продукты, иди в первое окно.

– Глянь на спецразрешение, – тихо шепнула я, загораживая собой обзор.

Бабища раскрыла книжечку, сгребла сто долларов и быстро гавкнула:

– Ну, чего хочешь? Шампунь взять, бритву?

– Нет. Дам еще столько же, если устроишь в поток на свидание, который войдет в полдень.

– Фамилия, имя, отчество, год рождения, – деловито поинтересовалась стражница.

– Максим Андреевич Полянский, 1959-й.

– Топай в башню, – велела «помощница».

Я понеслась в соседний подвал. Ровно в двенадцать огромная железная дверь открылась, и полная тетка принялась выкликать фамилии. Меня вызвали последней.

– Ну? – осведомилась конвойная, когда я приблизилась. Еще одна зеленая бумажка перекочевала в карман гимнастерки, и я пошла по лестнице вверх. Вместе с другими женщинами меня завели в узкую и длинную комнату, разделенную грязноватым стеклом. По ту сторону уже сидели заключенные. Бабы кинулись искать своих. Я пошла вдоль стекла и увидела похудевшего и осунувшегося Макса.

– Вот что, граждане, – раздался громкий голос.

Все разом перестали причитать и повернулись к двери. На пороге высился здоровенный красномордый парень в камуфляже. В расстегнутом воротнике виднелась тельняшка.

– Кончай базар, гражданочки, свиданки вам сегодня сорок пять минут.

– Почему, сыночек, – заныли тетки, в отличие от меня простоявшие в очереди несколько дней, – час положен.

– Обед у нас, – сообщил тюремщик, – тоже кушать хотим.

– Ну, сыночек, – застонали бабы, – придумай что-нибудь, помоги! Не выгоняй раньше.

– Пользуетесь тем, что я добрый, – вздохнул парень, – так и быть. Сейчас запру всех, а потом вернусь. Но чтоб тихо тут!

– Конечно, конечно, – закричали родственники, – благодетель ты наш!

Мужик хмыкнул и вышел, тут же лязгнул замок. Я схватила телефон:

– Макс!

– Здравствуй, Дашутка, – вяло сказал Полянский, – как это ты сюда прийти решилась?

– Слушай внимательно. О Нине Андреевне позабочусь – и продукты куплю, и денег дам. Тебе отправлю передачу. Еще придет адвокат. Ты его хорошо знаешь, это мой сын Аркадий.

– Кеша? – изумился бывший супруг. – Он же совсем ребенок!

Я промолчала. Какой смысл сообщать, что «детке» двадцать шесть стукнуло!

– Простите, – сказал кто-то за спиной.

Я обернулась. Сзади стояла женщина.

– Пустите сюда, – сказала она.

– Зачем? – изумилась я. – Тут мой родственник.

– У вас дырка, – сообщила тетка, – а в моем боксике нет.

– Дырка?

– А, вы в первый раз, – протянула баба. – Смотрите, – и она ткнула пальцем в небольшую щель.

Затем говорившая бесстыдно задрала кофточку и вытащила из необъятного лифчика пластиковый пакет, наполненный бесцветной жидкостью. На свет явилась и тоненькая трубочка. Тетка засунула один кончик в щелочку, к нему моментально припал подбежавший мужик звероподобного вида. Жидкость в пакете стала стремительно убывать.

– Что это? – изумилась я, видя, как заключенный делает огромные глотки.

– Водка, – спокойно сообщила баба, – надо же бедолагу порадовать. А вы пока деньги трубочкой скрутите и в щелку просуньте.

Через пару минут напившийся мужик отвалился, как сытый клоп, я принялась пропихивать Максиму доллары. Наконец все утихомирились.

– Слушай, скажи честно, это ты убил Веронику?

Максим молчал.

– Ну говори же!

– Нет, даже и не думал о таком. Честно говоря, просто хотел развестись. Даже дома не был в ту ночь.

– А где спал?

– В том-то и дело...

Оказывается, около семи вечера в офис позвонила женщина и предложила совершенно баснословную сделку. Дилерша отдавала яйца по какой-то смешной цене. Макс остался ждать продавщицу. Секретаршу, пятидесятилетнюю Тамару Павловну, хозяин отпустил домой. Агентша появилась в половине девятого. Сначала рассказала, что является директором крупной новой подмосковной птицефабрики. Представилась как Раиса Федоровна Кулакова. Из себя оказалась вполне ничего, такая знойная брюнетка в самом соку. Бюст примерно пятого размера обтягивала ярко-зеленая водолазка из тянущегося трикотажа-стрейч. Пухлые губы призывно улыбались, да и за яйца хорошенькая директорша просила сущие копейки. Разуме-

ется, Макс тут же распустил хвост. Из офиса ушли все служащие, и Полянский самолично сварил кофе.

Брюнетка, слегка жеманясь, принялась глотать ароматную жидкость и тут же пролила напиток на ярко-желтую юбку. Максим галантно побежал в туалет и принес мокрое полотенце, чтобы вытереть гущу. Директриса кое-как размазала пятно, и они продолжили пить кофе. Потом случилась странная вещь. В глазах у Желтка заскакали черные мушки, немилосердно захотелось спать, зевота просто раздирала рот. Дама вздохнула и сообщила:

– Поздно, пора домой.

Она встала, Макс хотел сказать, что подвезет симпатяшку, но губы отказывались повиноваться. Больше мужик ничего не помнил.

В десять утра его разбудила пришедшая на работу Тамара Павловна. Секретарша с некоторым удивлением выслушала рассказ о приходе таинственной посетительницы. Макс, недоумевая, как он мог так внезапно заснуть, помчался домой. По дороге он заехал в магазин и купил коробку самых любимых конфет Нины Андреевны. Мать всегда выговаривала ему, когда он где-то оставался ночевать, не предупредив ее. Вот сынок и решил подольститься. Все, больше рассказывать оказалось нечего. Спустя пять дней появились милиционеры, обыскали квартиру и в спальне Максима под матрасом нашли новенькую «беретту». Отпечатков пальцев не было, но пуля, убившая Веронику, вылетела именно из этого ствола.

Я вытаращила глаза:

– Как? Пистолет?

Макс кивнул.

– Сам ничего не понимаю. Дашка, честное слово, не стрелял. На крайний случай уж лучше бы отравил или удушил. Даже не знаю, на что надо нажимать, пистолета в руках никогда не держал!

Тут загромохла дверь, вновь возник толстощекий парень.

– Ну, гражданочки, заканчивайте!

Макс прижался лбом к стеклу.

– Дашка, это не я! Клянусь матерью, не я! Помогите, не я!

И тут отключили телефон.

Полянский продолжал раскрывать рот, но звук не достигал моих ушей. Зрелище производило жуткое впечатление. Я сразу вспомнила дурацкий сон.

– Помогите, помогите, – беззвучно кричал Максим. Губы мужчины кривились, по щекам потекли слезы. Со всего размаха он ударил кулаком в разделявшую нас преграду. Тут за его спиной возникли охранники. Схватив заключенного, они поволокли его куда-то в глубь помещения. Оттого, что все действие происходило беззвучно, делалось еще страшней. На секунду мне показалось, что я смотрю дурной кинофильм, а кто-то отключил у телевизора звук. Но это был не придуманный триллер, а страшная реальность.

Бабы молча столпились возле меня, кто-то похлопал по плечу, кто-то пожал руку, кто-то сунул сигаретку.

– Ладно, – вздохнула самая пожилая, – давайте по десять рублей.

– Зачем? – изумилась я.

– В первый раз небось, – заключила молоденькая армянка, – учись. Сейчас соберем двести рублей и вот тут у окошка бросим.

– И что?

– А ты выходи последней и скажи разводному: «Сыночек, тут кто-то деньги забыл».

– Обязательно так говорить?

– Конечно, – терпеливо разъясняла «учительница», собирая мятые бумажки. – Вы должны говорить им «сыночек», они вам «гражданочка». А вот если в очереди с нами стоите, тогда по-другому. Я ведь вас моложе? Значит, звать вам меня нужно «доченька», парня моего

возраста – «сыночек». Если одногодки рядом, то «брат» и «сестра», к пожилой обращаются – «маманыя». Я же вам стану говорить «мамаша». Так здесь своих узнают – по обращению.

Она швырнула ассигнации на пол и двинулась к выходу, я покорно встала последней. Подождав, пока все теткы выдвинутся на лестницу, сделала лицо идиотки и забубнила:

– Сыночек, а сыночек...

– Чего, гражданочка?

– Глянь-ка, родименький, кто-то деньги потерял!

– Не волнуйтесь, гражданочка, – успокоил тюремщик, подбирая скомканные десятки, – сейчас отнесу в стол находок, обязательно вернем.

Весело насвистывая, парень пошел вверх по винтовой лестнице, я двинулась в противоположном направлении. Получила на выходе паспорт и в полубезумном состоянии выпала на весело гудевшую Новослободскую улицу. Вокруг, смеясь, шли радостные, по-летнему пестро одетые люди. Многие ели мороженое, становилось жарко. Толпа мирно текла мимо подворотни, скрывавшей вход в тюрьму. Рядом находилась дверь большого универмага. Я вошла в длинное, кишкообразное помещение промтоварного магазина и уставилась на зубные щетки. В голове полный сумбур. Бедный Макс! Сидит в камере, где набито сто двадцать человек, ест баланду. Тяжелый вздох вырвался из моей груди. Нет, уходить из тюрьмы сейчас нельзя. Надо передать продукты.

Покулив, вернулась в Бутырку. Зал, где принимали передачи, гомонил огромной толпой. Красные, потные люди тащили неподъемные сумки. В углу стояла тетка с тетрадкой, составлялись списки на передачу лекарств. Минут десять потолкавшись среди товарищей по несчастью, я узнала много интересного. Продуктовую передачу можно отправлять раз в месяц. Общий вес – тридцать килограмм. Туда же разрешено положить: носки, трусы, мыло, миску, ложку, тапки... Записываться, чтобы сдать передачу, надо за неделю. Еще полагалось два раза в день отмечаться, опоздавших на переключку безжалостно вычеркивают. Можно отнести и лекарства, но только российские. И для медицинской передачи существует своя очередь, тоже по списку. Потом многим заключенным передают ведро, таз и телевизор. Но эти предметы – только с разрешения начальника тюрьмы, к нему особая очередь, естественно, по другому списку. Продукты следует развернуть, разложить по прозрачным мешочкам. Дальше – больше. Сахарный песок – нельзя, кусковой сахар – извольте, мыло – пожалуйста, шампунь – ни за что, туалетная бумага не полагается, зато ученических тетрадок – сколько душа изволит. На мой взгляд, подобные правила придумали люди, желавшие тянуть деньги с родственников заключенных. Во всяком случае, я собиралась заплатить приемщице, чтобы без проблем отправить продукты.

Но тут взгляд наткнулся на вывеску «Попечитель». Ради интереса зашла внутрь небольшого отгороженного помещения и обнаружила там... магазин. Две приветливо улыбающиеся девушки – приятный контраст по сравнению с остальными сотрудниками – и горы продуктов. Но цены!

Раза в полтора выше, чем в городе. Но если купить здесь необходимое, то разворачивать не надо и в очереди стоять тоже не требуется. К тому же милые продавщицы закрыли глаза на то, что я набрала покупок аж целых сорок килограмм.

– Не волнуйтесь, – махнула рукой одна, – никто на складе перевешивать не станет, если оплачено.

Я принялась заполнять квитанцию.

– Напишите на обороте пару строчек, – посоветовали девушки, – поддержите морально.

Нацарапав ничего не значащие слова любви, я вытащила кошелек и отдала за заказ сумму, на которую обычная семья спокойно прожила бы два месяца. Потом вышла в зал и с сочувствием посмотрела на вострапанных людей, вываливающих на столики «раздетые» продукты. Да, богатому человеку хорошо и на воле, и в тюрьме.

Глава 4

Домой явилась только к четырем часам.

– Фу, – пробормотала Зайка, дергая хорошеньким носиком, – чем от тебя пахнет?

«Тюрьмой», – хотела я сказать, но прикусила язык. Незачем пугать невестку.

– Все-таки интересно, – продолжала настаивать Ольга, – где ты была?

Но тут распахнулась дверь, на пороге появилась раскрасневшаяся Маруся, а за ней маячил поджавший хвост Банди.

– Видали дурака? – завопила дочь.

Мы уставились на мелко дрожащего мощного пса.

– Опять кошки из сада выгнали, – засмеялась Маруся, – он их до смерти боится.

Наша «коллекция» собак начиналась с пит-буля Банди и ротвейлера Снапа. Страшных псов купили специально для охраны. Но в детстве и тот и другой походили на восхитительные плюшевые игрушки. Их радостно тискали и гости, и хозяева. Результат налицо. Жуткого вида кобелины обожают всех! Специально вызванный инструктор встал в тупик.

– Первый раз встречаю таких собак, – сообщил он нам, – абсолютно послушно выполняют все команды, кроме «фас»! Озлобить их невозможно!

Так Снап и Банди превратились в болонок, основной интерес которых сосредоточен на еде. Жуют они постоянно, особенно не кривляясь: суп, кашу, мясо, чипсы, орехи и соленые огурцы. Потом один знакомый попросил нас приютить ненадолго пуделя Черри, да так и забыл про собачку. Следующим оказался английский мопс Хуч, но историю его появления расскажу как-нибудь в другой раз. Последней приехала йоркширская терьерка Жюли вместе со своей хозяйкой, няней близнецов Серафимой Ивановной. Если выстроить иерархическую лестницу принадлежащих нам животных, то на самом верху, безусловно, окажутся кошки – трехцветная Клеопатра и белая Фифина. Собаки повинуются им беспрекословно. Банди же пошел дальше всех – отважный пит-буль с акулыными зубами вообще боится всех кошек. А в наш сад часто забредают бродячие киски в поисках еды. Если Снап, Черри, Жюли и Хучик делают вид, что не замечают непрошенных гостей, то Банди усаживается на пороге и отказывается выходить наружу. Задние лапы пита начинают мелко дрожать, морда принимает полубезумное выражение. Правда, точно такой же ужас он испытывает при виде работающего пылесоса, кофемолки и фена.

– Клепа, Фифа, – закричала Маня, – в саду чужие!

Наши кошки стремглав ринулись наружу. Вот уж кто не дает наглым пришельцам спуску. За окном раздались шипение, утробный вой, потом сдавленное мяуканье. В две минуты пришельцы были выдворены. Хозяйки, гордо подняв раздувшиеся хвосты, важно прошествовали в холл.

– Иди уж, чучело, пописай, – вздохнула Маруся.

Банди, боязливо оглядываясь, потрусил в сад.

– Да, – сказала Оля, – а еще говорят, что пит-буль кровожаден. Наш при виде котенка в обморок грохнется!

Аркашка прибыл только к семи вечера. Мрачное лицо сына не обещало ничего хорошего.

– Ну! – накинулась я на «Перри Мейсона».

– Единственный более или менее приемлемый вариант для него – полностью признаться и упираться на то, что совершил убийство в состоянии аффекта, – резюмировал сын.

– Ты думаешь, это он?

– Нет, конь в пальто, – обозлился Аркашка.

– Но Макс клянется, что...

– Мать, – устало вздохнул Кешка, – все преступники заявляют, что они невинны, словно младенцы! Но надо же меру знать. В данном деле отрицать что-либо глупо!

Выяснилось, что около полуночи Макс вернулся домой. Его видела соседка с первого этажа Анна Михайловна. Ночь стояла знойная, женщина никак не могла заснуть и курила на скамеечке возле дома. Вместе с ней сидела и Наташа Симонова из 22-й квартиры, гулявшая со своей таксой. По их словам, Максим приехал на джипе, загнал машину под навес и пошел в подъезд. По дороге он вежливо поздоровался с женщинами и даже перебросился с ними парой слов по поводу невероятной жары. Ошибиться дамы не могли, так как обе прекрасно знают Полянских. Не прошло и пятнадцати минут, как Макс выскочил из подъезда в безумном состоянии. Он вихрем пронесся мимо мирно болтавших соседок, вскочил в джип и умчался. Наташа заметила на брюках бежавшего большие темные пятна.

При обыске со дна громадного бачка для грязного белья оперативники вытащили слаксы бежевого цвета, все заляпанные кровью. Макс клялся, что давно не надевал этих штанов, но группа крови совпала с группой крови убитой. Более того, экспертиза свидетельствовала, что это кровь одного и того же человека – Вероники Медведевой. К тому же допрошенная секретарша Тамара Павловна сообщила, что хозяин вечером просто жутко поругался с супругой. Еще она насплетничала про связь Полянского с молоденькой студенткой, и оперативники сделали единственно возможный шаг: арестовали Макса, предъявив ему обвинение в убийстве.

Я притихла. Столько доказательств! Ну что за дурак! Убегать на глазах у болтливых соседей. Почему не воспользовался черным ходом? Дом на улице Воронова строили в конце 30-х. На кухне имелаась дверь «служебной» лестницы. Когда Нина Андреевна посылала меня в свое время на рынок, возвращаться с картошкой следовало именно через кухню, чтобы не трясти в холле грязными сумками. Частенько пользовался запасным выходом и Макс, когда хотел незаметно проникнуть в дом. Наружная дверь открывается в небольшой грязноватый проулочек, там стоят мусорные бачки. Редко кто из соседей прогуливается в подобном месте. Почему не побежал туда?

Зачем хранил такую улику, как окровавленные слаксы? Не разумнее ли выкинуть их подальше от дома в разных местах, предварительно разрезав на части? И уже просто глупо прятать «беретту». Утопить в Москве-реке, да и дело с концом. Макс, конечно, не светоч разума, но и не дебил. Он что, хотел, чтобы его поймали?

Потом, Нина Андреевна рассказывала о пепельнице, полной окурков. А соседки уверяют, что Макс выскочил назад почти сразу, от силы через пятнадцать минут. Как можно искурить столько сигарет за подобный срок?

Было еще кое-что. В тюрьме он сказал мне, что не убивал Веронику. Причем поклялся здоровьем матери. Вот это серьезно. Нину Андреевну Максим любит до беспамятства и клясться все ее здоровьем не станет.

Аркашка вздохнул:

– Завтра поеду в тюрьму, попробуем выстроить линию защиты. Предположим, она ему изменила. Узнал случайно, схватил в состоянии аффекта пистолет...

– Нет, – тихо сказала я, – так не пойдет. Его же осудят!

– За аффект много не дадут, – отмахнулся Аркадий, – в особенности если приведем свидетелей, которые расскажут о безобразном поведении Вероники. Ну, пила, гуляла, дебоширила. Главное, чтобы признался и начал плакаться: не хотел убивать, случайно вышло. Искреннее раскаяние хорошо действует на судей.

– Нет, – продолжала настаивать я, – он не виноват.

– Мать, – вспылil Аркадий, – кончай идиотничать.

– Хорошо знаю Макса. Убивать женщину, да еще стрелять из пистолета в лицо – для него невероятно!

– Слушай, – окончательно обозлился Кешка, – значит, на процессе в ответ на все выдвинутые доказательства я должен встать и с серьезным видом заявить: «Подсудимый не виновен, так как он не любит убивать женщин выстрелом в лицо!»

– Ну, – промямлила я, – конечно, звучит неубедительно и смешно.

– Вот именно. Если будет упираться рогами и настаивать на невинности, судья впадет ему по полной программе, мало не покажется. Есть только один путь: раскаиваться, плакать и терзаться муками совести, напирая на аффективное состояние. Или...

– Или... – поторопила я, видя, что сын замолчал.

– Или ищи настоящего убийцу, раз так уверена в невинности Полянского, – прошипел Кешка и, стукнув кулаком по журнальному столику, ушел.

Я медленно стала подбирать упавшие газеты и рекламные листовки. Такая мысль не приходила мне в голову. А правда, что, если самой попробовать разобраться в этой темной истории? Сдается, Макса просто подставили, вот только зачем?

На следующий день утром Кешка поехал в Бутырскую тюрьму, а я – к Максиму в офис.

В отсутствие Полянского хозяйничал Леня Кошкин. Вернее, Леонид Сергеевич, жуликоватого вида парень с бегающими глазками.

– И чего вам надо? – довольно злобно осведомился он. – Макс – дурак. Где это видано – самому убивать? Умные люди нанимают киллера. Лох!

Тамара Павловна, седовласая дама, восседала у двери опечатанного кабинета. В свое время Максим выбрал женщину из множества других претенденток. Отвергнув девиц с роскошными ногами, он остановился на бывшей учительнице русского языка.

– Не нужны мне соблазны на рабочем месте, – шутил Полянский, – а Тамара Павловна игривых мыслей не вызывает и юбки носит нормальной длины.

Макс не прогадал. Преподавательница оказалась великолепной работницей. Никогда не опаздывала на работу, не пила, не курила, четко выполняла все поручения.

– Сажу как за каменной стеной, – сообщал Макс приятелям, удивлявшимся, что в приемной правит женщина почти пенсионного возраста, – а у свиристелок только танцы на уме. Нет, свою секретаршу ни на какую другую не променяю.

– Чем могу помочь? – церемонно осведомилась дама, увидев, как я притормозила у конторки.

– Принесла привет от Максима Андреевича из тюрьмы, – шепнула я.

– Пойдемте, – прошептала в ответ Тамара Павловна, косясь одним глазом на дверь кабинета Кошкина.

Мы тихонько, почти на цыпочках выскользнули из офиса и сели в небольшом уличном кафе.

– Как он там, бедняга? – поинтересовалась секретарша. – Всегда знала, что Вероника его до добра не доведет.

– Почему?

– Совершенно невероятная женщина, без руля и ветрил. Могла приехать в офис и устроить скандал. В день убийства требовала у Максима Андреевича двадцать тысяч долларов на шубу из соболя. Очень громко кричала. Уж хозяин ей объяснял, объяснял, что сейчас невозможно, нет таких свободных денег, все равно настаивала. Мол, договорилась с модельером Крутиковой, и та отдает ей по дешевке, всего за каких-нибудь несчастных двадцать тысяч баксов! Слышали когда-нибудь такое? Между нами говоря, у этой, с позволения сказать, дамы был роман с Леонидом Сергеевичем.

– Откуда знаете?

Тамара Павловна рассмеялась:

– Так никто не скрывал. Вероника открыто за ним на машине заезжала. Целый месяц женихались, а потом все закончилось. Я все удивлялась терпимости Максима Андреевича.

Хотя, если говорить честно, у хозяина последнее время тоже была другая женщина. Молоденькая такая студентка Яна, вроде на мехмате училась. Пару раз приходила в офис. Честно говоря, смотреть не на что, Вероника куда красивее.

– Кто сейчас заправляет всеми делами?

– Кошкин, хотя официально хозяином остается Максим Андреевич. Но как он может сейчас руководить фирмой?

Я согласилась, что из тюрьмы это делать трудно, и поинтересовалась:

– У Макса были враги? Может, долгов наделал?

– Вы кем ему приходиться? – поинтересовалась наконец секретарша.

– Скажем, дальняя родственница.

– Тогда должны знать, – сурово отчеканила Тамара Павловна, – о невероятной честности Полянского. Знаете, почему он так быстро разбогател?

– Нет.

– Максим Андреевич всегда расплачивался с поставщиками сразу. То есть покупал, к примеру, грузовик яиц на Глебовской птицефабрике и тотчас отдавал все деньги. Многие дают только половину, а следующий кусок – после продажи. Потом частенько обманывают, недоплачивают, притворяются, что продукты оказались непроданными и испортились... Но только не господин Полянский. Поэтому с ним все хотели иметь дело. Для многих его задержание – большая неприятность.

– А бандиты наезжали?

– С нашей «крышей», – спокойно заметила женщина, – никогда не было проблем. Раз в месяц показываются, получают свой процент, и все довольны. Весьма милые ребята, никаких бритых голов и золотых цепей. Вообще Максим Андреевич – очень аккуратный коммерсант, никогда ни у кого не брал в долг, расширялся очень осторожно. Даже в офисе держал мало сотрудников, чтобы зря зарплату людям не платить. Шофера не имел, охраны тоже. Если бы не эта дурацкая история!

– Последний его рабочий день помните?

– Конечно. Утром ездил в Можайск, договаривался о поставке бройлеров. Мы хотели еще и куриным мясом торговать, Максим Андреевич даже магазин приглядел. Потом днем перекусил наскоро в кабинете и разговаривал с санитарным врачом. Затем внезапно приехала Вероника и устроила зверский скандал.

В начале восьмого Макс отпустил секретаршу домой, сказав при этом, что сам задержится, так как скоро приедет новая поставщица из Петухова.

– Точно помните название места?

– Абсолютно. Мы еще посмеялись с ним: яйца из Петухова!

Тамара Павловна спокойно ушла. Утром, придя на работу, обнаружила дверь в офис незапертой. Удивившись, секретарша пошла к себе и нашла хозяина, мирно посапывающего за столом. Макс спал безмятежно, как ребенок.

– Только зря он такое алиби хотел придумать, – вздохнула женщина. – Ну кто поверит, что проспал всю ночь на рабочем месте? Вот уж глупость. Да и поставщицы никакой не было, и кофе они не пили.

Выяснилось, что Тамара Павловна не нашла в кабинете грязной посуды. Аккуратно вымытые чашки стояли в шкафу, там же обнаружили и чистые ложки.

– Жаль Максима Андреевича, – вздохнула секретарша, – но пришлось в милиции правду сказать.

Да, Сократ, ты мне друг, но истина дороже.

Я уехала от Тамары Павловны с тяжелой душой. Неужели бывший супруг такой идиот, что, убив Веронику, вернулся на работу и притворился спящим? Настораживал еще такой факт: предположим, приехал домой около полуночи, случайно выстрелил в Веронику, испу-

гался, расписывался, примчался в офис и придумал жуткую глупость про таинственную посетительницу. Все хорошо, но о продавщице Полянский сказал Тамаре Павловне в начале восьмого, когда Ника еще живехонька-здоровехонька потчевала Нину Андреевну тортом. Значит, история о таинственной дилерше придумана загодя, следовательно, ни о каком аффекте не может идти речь. Планировал убийство заранее, обеспечив идиотское алиби. А это уже другая мера ответственности и другой, куда более суровый срок.

Колеса сами понесли меня на улицу Воронова. Наталья Симонова, одна из двух соседок, видевшая Макса в ту роковую ночь, сидела дома. Женщина впустила меня внутрь огромной квартиры и запричитала:

– Ой, Даша, вот горе-то!

Много лет тому назад мы с ней, молодые и веселые девушки, немного сдружились. Ходили по-соседски пить друг к другу кофе, сладострастно сплетничали. Потом я развелась с Полянским и пропала с горизонта, отношения прервались. Но сейчас Наташа узнала меня сразу.

– Кто мог подумать, – тараторила Симонова, отодвигая ногой беснующуюся таксу. – Фу, Клара, вот ненормальная собака. Стоит заметить чужого, начинает орать дурниной.

– Наташа, точно помнишь, что видела Макса?

– Господи, – всплеснула руками соседка, – ну как я могла его не узнать? Всю жизнь в одном дворе. Правда, странный шел, такой расстроенный и усталый. Обычно всегда первым здоровался, а тут плелся, голову повесив.

Симонова окликнула мужчину. Тот повернулся, подошел поближе, но не вплотную. Максим начал покашливать и посетовал, что по такой жаре где-то ухитрился простудиться. Говорили они не больше пяти секунд. Потом Полянский ушел в подъезд.

– Ничего странного не заметила?

– Нет. Такой, как всегда, только очень расстроенный. Я еще спросила: «Чего мрачный?» А он рукой махнул: «На работе неприятности» – и бегом домой. Вот только Клара...

Наташкина такса – абсолютно беззлобное существо, но при виде незнакомого человека начинает лаять как бешеная. Причем укусить не пытается, только гавкает словно оглашенная. К знакомым моментально подбегает и подставляет для почесывания шелковую спинку. Кинулась она в тот раз и к Максиму. Но на полдороге притормозила и закатилась в захлебывающемся лае. Симонова пыталась успокоить таксу. Куда там! Клара прекратила хай только после того, как Макс скрылся в подъезде. Отчего-то такса в тот день накинулась на Полянского.

– Ты видела и как он уезжал?

– Ну да, – кивнула соседка. – Вылетел во двор, словно за ним волки гонятся. Лицо бледное, волосы растрепанные, брюки все перемазанные. Бежит мимо нас и бормочет: «Господи, не хотел, не хотел». Мы еще с Анной Михайловной гадали, о чем он толковал.

Да, имея такого свидетеля, трудно уверять, что не заезжал домой. Я пошла искать Анну Михайловну. Судя по всему, старушка смотрела какой-то сериал, потому что из глубины квартиры раздалось громовое: «Педро, любимый!»

– Откуда я вас знаю, – пробормотала бабулька, впуская меня в коридор, – из поликлиники, да?

– Я бывшая жена Максима Полянского, Дарья.

– Дашенька, – возрадовалась соседка, – хорошо, детка, что с ним развелась. Видишь, как оказалось. Вроде нормальный был, а Никочку застрелил. Хотя она сама, прости господи, хороша! А уж одевалась! Порой казалось, что юбку забыла натянуть. Один раз по простоте душевной и говорю: «Вероника, миленькая, в одной кофточке идешь и колготках». А она зыркнула глазками да как рявкнет: «Платья теперь такие носят, а тебе, дура старой, на кладбище пора, нечего за всеми подглядывать». Вот такая актриса. Правда, хорошенькая, как картинка.

Жаль только, волосы красивые отрезала. Полна голова белокурых кудрей была, а превратилась в рыжего общипанного воробья. Нет, не понимаю я современную моду.

Анна Михайловна тоже не сообщила ничего интересного. Макса видела, разговаривала с ним, а потом наблюдала за поспешным отъездом джипа.

Даже одной свидетельницы хватит, чтобы утопить беднягу Максима, а тут целых две, да такие бойкие, уверенные!

Я поднялась на третий этаж. Нина Андреевна выглядела совсем плохо, а в холодильнике лежали совершенно нетронутые продукты.

– Ну нельзя же голодать! – возмутилась я. – Хоть йогурт съешьте.

– Не могу, кусок в горло не идет, – заплакала свекровь. Я поглядела на вконец измученную старуху. Несладко ей, наверное, одной в квартире, да и страшно.

– Ладно, собирайтесь, поедem ко мне жить.

– Ой не надо, деточка, – испугалась свекровь, – у тебя там в двух комнатах все и так друг у друга на головах сидят.

Не слушая ее причитаний, я пошла в спальню к бывшему мужу. Надо собрать вещи для тюрьмы. Как там советовали женщины: тренировочный костюм, майки, шорты, носки. Все желательно черного цвета, еще полотенце, тапочки. Вот уж никогда бы не пришло в голову послать в Бутырку домашние тапки.

Я раскрыла огромный трехстворчатый шкаф. Да, Максим явно себе ни в чем не отказывал. Штук двадцать великолепных костюмов, невероятное количество рубашек и пуловеров, масса галстуков, ремней, подтяжек, носков... И все отменного качества.

Я запихнула необходимые вещи в сумку. Ах да, еще часы!

Максим просил, чтобы Аркадий, когда придет, принес часы, маникюрные ножницы и игрушку «Тэтрис».

Я принялась искать, но часы не попадались на глаза. Пришлось позвать Нину Андреевну.

– Да здесь они, – сказала старуха, – когда арестовывали, велели дома оставить. У него ведь страшно дорогая штука на запястье болталась – «Лонжин», браслет платиновый, по циферблату бриллианты.

Невероятно дорогая вещичка. Такая в тюрьме ни к чему, лучше куплю простенькие, дешевые – «Полет».

Нина Андреевна продолжала рыться в письменном столе:

– Вот гляди, и перстень тут в коробочке.

– Что за перстень?

– Максим сам себе подарок сделал на 40-летие, купил в Париже у «Картье» такое огромное кольцо с изумрудом. На мой взгляд, жуткая безвкусица.

Я тихонько присвистнула. Знаю, сколько стоят у «Картье» украшения для мужчин, скорее всего Макс отдал за игрушку целое состояние. Да и «Лонжин» – недешевое удовольствие.

Взяв на всякий случай записную книжку экс-супруга, я подхватила две неподъемные сумки и стала подталкивать Нину Андреевну к выходу. По дороге задела в холле вешалку, и с нее дождем посыпались шляпы. Я отнеслась к их падению с полным безразличием – упали, и черт с ними, поднимем в другой раз.

Всю дорогу до дома Нина Андреевна молчала. Ойкнула она только, когда Снап и Банди всунули морды в салон «Вольво».

– Они не кусаются, – сообщила я, – впрочем, остальные животные – тоже.

– Очень милые собачки, – отозвалась старуха и мужественно погладила Банди по блестящему носу. Тут раздался отчаянный треск. На полной скорости во двор влетела на мотоцикле Маня. Длинные белокурые волосы выбивались из-под ярко-красного шлема. Круглая, толстенькая попка вбита в тесные черные джинсы. Не сумев остановиться, дочь влетела прямо в багажник Аркашкиного «Мерседеса».

– Вот блин, – заорала, по обыкновению, Манюня, – теперь Кешка из меня фарш сделает!

– Это моя младшая дочь Маша, – решила я внести ясность в ситуацию.

– Очень милая девочка, – испуганно проговорила Нина Андреевна.

Путаясь в собаках и кошках, мы двинулись в холл. У входной двери громоздились два огромных чемодана, перетянутых ремнями. Нехорошее предчувствие кольнуло сердце. Из гостиной вышли несколько человек.

– Узнаете Кешу? – спросила я, указывая на сына.

– Конечно, нет, – удивилась Нина Андреевна.

– Мулечка, – завопила Манюня, – Мулечка, приехала Римма Борисовна и привезла Геру.

Но я сама уже видела спешивших с распростертыми объятиями гостей. Вытерпев родственные поцелуи, решила соблюсти приличия и, подведя к приехавшим Нину Андреевну, сказала:

– Знакомьтесь.

– Очень приятно, – произнесли женщины одновременно, потом в унисон добавили: – Я

– Дашина свекровь.

После такого заявления они оторопело уставились друг на друга.

Аркашка и Маруся захихикали. Ну почему у меня всегда все получается не как у людей?

Глава 5

Замуж я выходила четыре раза, и каждый раз неудачно. Потом, решив, что не создана для семейной жизни, плюнула и остановилась. Правда, поздно. Мужья-то ушли, но другие родственники остались и совершенно не собирались меня покидать. Началось с Аркадия. Кеша вообще-то приходился сыном моему первому мужу. Его настоящая мать работала археологом и целыми годами пропадала в пустыне. Кеша жил с отцом, потом в три года достался мне. Марусю принесло последнее замужество. Мой четвертый муж после развода женился на женщине с младенцем. Потом они собрались эмигрировать в Америку, но не тащить же с собой в неизвестность крошечную девочку? Так Маня временно оказалась у меня. Примерно через год ее мать умерла, а Гена сошелся браком с американкой... В результате в придачу к сыну появилась дочь. Между этими замужествами было еще два: с Полянским и Филиппом Красавиным.

Римма Борисовна – мать Филиппа, а Гера – его младший брат, имеющий у домашних кличку ПДН, что расшифровывается как «Постоянно действующее несчастье». Живут они в городе Скальске, возле Ижевска, но раз в год обязательно наезжают в Москву. Римма Борисовна самозабвенно носится по вещевым ярмаркам. Геру следует женить. Поэтому мужик безуспешно посещает собрания клубов «Кому за тридцать» и дает объявления в газетах. Требования к будущей супруге предъявляются «минимальные». Она должна быть из хорошей семьи, с образованием и приличной работой. Желательно также, чтобы блондинкой, лет тридцати. Конечно же, отменного здоровья, без детей и престарелых родственников. Наличие хорошей квартиры обязательно. При этом Гера вовсе не настаивает, чтобы избранница обладала европейскими 90–60–90. В конце концов готов согласиться на 92–62–92. Мне такое чудо света не встретилось ни разу, но Гера полон энтузиазма. Разведя свекровей по спальням, я поднялась к себе и принялась изучать записную книжку Макса. Странички были густо заполнены фамилиями и телефонами. Но я искала Яну и не нашла.

На следующий день в полдень стояла в учебной части мехмата. На шее у меня висел фотоаппарат. Повертев перед носом приятной женщины темно-бордовым удостоверением, я рассказала немудреную историю.

Организовала новый журнал для молодежи и назвала издание «Яна». Теперь ищу среди студенток девушек с таким же именем, чтобы взять интервью.

Инспекторша пришла в полный восторг:

– Как раз есть такая! На четвертый курс перешла, Яна Соколова. Идите в двенадцатую аудиторию, их группа сегодня экзамен сдает.

В коридоре у высоких дверей тихо гудела кучка взволнованных студентов.

– Ребята, – отвлекла я их, – где Яна Соколова?

– Понятия не имею, – ответил черноволосый парень, – ее и на прошлом экзамене не было, говорят, заболела.

– Она москвичка?

– Да, – кивнул студент.

– Адрес знаешь?

– В учебной части спросите.

Я двинулась назад. Удивленная инспекторша полезла в личное дело.

– Смотрите-ка, – удивилась женщина, – и правда, заболела. Вот справка из 52-й больницы.

Я повертела в руках бланк. Торопливым почерком доктор Ревенко писал, что Яна Соколова госпитализирована 5 июня с диагнозом сотрясение мозга.

– Бедная девочка, – сокрушалась инспекторша, – очень ответственная студентка, на красный диплом идет. Удивительно собранный человек, все всегда сдает вовремя, рефераты лучшие на курсе.

– А кто принес справку, мать?

– Лена! – крикнула собеседница.

Из соседнего помещения высунулась востроносенькая тощая девица с тонким ртом.

– Ты брала справку от Соколовой?

– Ну, – буркнула девица.

– Мама приходила?

– Не-а, – прогундосила девчонка, – сестра. Даже смешно.

– Почему? – поинтересовалась я.

– Яна у нас на крысу похожа, – хихикнула девица.

– Лена, – строго заметила инспекторша, – если бы тебе господь дал хоть половину ее ума!

И потом, говорить так просто неприлично.

– А чего, – заныла девица, – я ничего такого не сказала. Янка и правда крыса лабораторная. Глазки маленькие, носик острый, коленки как у кузнечика. И одевается ужасно. В одном свитере ходит и зимой, и летом. А сестра – такая хорошенькая, картинка. Только волосы и похожи – редкие и рыжие. А так ничего общего. И прикид на ней клевый был: туфельки – закачаешься, юбочка белая, пиджак шелковый – блеск. Духи замечательные. Привезла справку и говорит, что ездили на пляж, играли в волейбол, вот Янке по лбу мечом и вмазали.

– Ладно уж, – махнула рукой старшая, – иди работай.

Я взяла домашний адрес Соколовой и поехала в 52-ю больницу.

Толстая неопрятная баба в грязноватом белом халате грозно восседала за дверью с табличкой «Справочная».

– В каком отделении лежит Яна Соколова?

– День, – гаркнула баба.

– Что? – не поняла я.

– День покладки, – уточнила служащая.

Слегка растерявшись, все же сообразила и сообщила: 5 июня.

Тетка ухватила пухлой рукой «мышку» и весьма неумело принялась включать компьютер. У нее все время появлялись на экране не те программы, потом наконец возник список.

– Нет такой, – сообщила баба.

– Посмотрите четвертого или шестого.

– Я чего, нанялась тут все тебе глядеть? – вызверилась санитарка.

Удивительная логика! Конечно, нанялась, раз сидишь под табличкой «Справочная». Пятидесятирублевая купюра волшебным образом изменила настроение дамы. На ее лице даже появилась улыбка. Самым тщательным образом просмотрели списки за первые десять дней июня. Никакой Соколовой и в помине нет.

– Доктора Ревенко где искать?

– На втором, в хирургии.

Я медленно побрела по пахнущему хлоркой коридору. Дверь с надписью «Ординаторская» оказалась последней. Толкнув ее, попала в большое помещение с письменными столами. На подоконнике закипал чайник. Довольно молодая женщина со слегка апатичным лицом медленно подняла глаза от газеты. Докторица разгадывала в свободное время кроссворд.

– Доктора Ревенко нет?

– Это я, – заторможенно произнесла терапевтица.

Ее лицо не выражало никаких эмоций. Даже если сейчас в кабинет вбегут десять голых папуасов, она не вздрогнет.

– Подскажите, где я могу увидеть Яну Соколову?

Врачиха уставилась в пространство блекловатыми глазами. Прошла минута, две... Я решила повторить вопрос.

– Как найти Яну Соколову, где ее палата?

Гиппократша наморщилась и наконец произнесла:

– Кто это?

– Ваша больная, с сотрясением мозга.

– В пятнадцатой лежит Соколова.

Поблагодарив невозмутимую тетку, я двинулась назад по коридору. Дверь 15-й комнаты стояла открытой нараспашку. Внутри оказалось четыре кровати, на них лежали бледные женщины. Три загипсованные, привязанные к гирям ноги, одна рука – «самолет». На сотрясение мозга что-то не похоже. На всякий случай поинтересовалась:

– Соколова здесь лежит?

– Тут, – сообщила примерно пятидесятилетняя тетка.

Да, либо Макс сошел с ума, либо не та Соколова.

– Яна? – переспросила я.

– Ольга Никифоровна Соколова, – вздохнула женщина, – опять в справочной перепутали. Пришлось идти назад. Докторица меланхолично глядела в кроссворд.

– В пятнадцатой Ольга Никифоровна Соколова, а мне нужна Яна, девушка двадцати лет.

– Другой нет, – невозмутимо сообщила Ревенко.

– То есть как? Сами ей справку выдали о госпитализации.

– Я? – возмутилась докторица. – Никогда не даю никаких справок, их у нас старшая медсестра пишет.

Я ткнула пальцем в лежащие на другом столе бланки.

– Вот точь-в-точь такую бумажку дали Яне Соколовой.

Ревенко пожала плечами:

– Поглядите сами, там все уже проставлено, и печать, и подпись, только инициалы да фамилию вписать.

– Ничего себе порядочки! – возмутилась я.

Ревенко без всяких эмоций глянула вновь в газету. Ну и баба – айсберг, да и только.

Но тут дверь с громким стуком распахнулась, и в ординаторскую словно вихрь влетела раскрашенная девица. Беленький полупрозрачный халатик обтягивал ее, словно вторая кожа. На голове каким-то чудом держался огромный накрахмаленный колпак. Стрельнув в мою сторону глазом с густо намазанными тушью ресницами, небесное видение подлетело к телефону.

– Галя, – медленно протянула Ревенко, – тут интересуются Яной Соколовой, лежала у нас такая с сотрясением мозга?

– Может, и лежала, – с энтузиазмом сказала Галя, тыча коротеньким пальчиком в кнопки, – разве всех упомнить!

– Ее вроде пятого июня положили, – встряла я.

– Такой сейчас нет, – отрезала Галя, – может, больницу перепутали, 51-я или 53-я...

Пришлось уходить несолоно хлебавши. Ясно только одно: Яна не в больнице. Скорей всего приехала на один день сразу после несчастного случая, а потом отправилась домой дожидаться.

Обитала Соколова недалеко от метро «Щукинская». Громадная блочная башня торчала посреди низеньких пятиэтажек, словно второгодник меж первоклашек. Грязноватый подъезд без признаков консьержки, лифт выставлял напоказ сгоревшие кнопки. Кое-как я доехала до последнего, пятнадцатого этажа. Дверь распахнулась, и на пороге показалась женщина невероятной толщины. Просто человек-гора. Необъятные тела скрывало что-то отдаленно напоминающее халат. Жирные, лоснящиеся щеки радовали глаз буряковым румянцем, колонноподобные ноги упрятаны в туфельки примерно 42-го размера. На том месте, где у обычных

женщин бывает талия, данная дама носила бельевую веревку. Да оно и понятно – где найти поясик длиной в два метра?

– Кого ищите? – весьма любезно осведомился монстр, кокетливо поправляя ожиревшей ручкой сальные кудри.

– Яну Соколову.

– Входите, – разрешила дама.

Я вдвинулась в узенький коридорчик. Сопя от напряжения, хозяйка потопала на кухню. Маленькое пятиметровое помещение почти полностью занимали плита и холодильник. Когда глыбообразная женщина встала у мойки, мне осталось только сантиметров двадцать свободного пространства.

– И зачем Яночка понадобилась?

Я сообщила подготовленную ложь про новый журнал и интервью. Тетка с интересом выслушала.

– Янонька уехала, по делам.

– Куда?

– У них на факультете собрали команду для олимпиады в Киеве. Сначала ее почему-то не взяли, а потом велели срочно собираться и ехать. Даже домой не зашла, просто позвонила, Танечка сумку на вокзал привезла.

Интересное дело, а на факультете говорят, она больна. Они что, забыли про олимпиаду?

– Вы ее мама?

– Нет, тетка, но воспитывала ее всю жизнь.

Выяснилось, что мама Яны умерла, когда той исполнилось всего два года. Отец вскоре снова женился, и дочь стала ему не нужна. Девочку пригрела Рада Ильинична, сестра отца.

– Своих детей нет, – бесхитростно поясняла женщина, – как операцию сделали по женской части, разнесло, словно квашню. Так замуж и не вышла, вдвоем с Яночкой живем. Девчонка золотая уродилась. Учится отлично, послушная, ласковая, повышенную стипендию получает. Не курит, не пьет, не то что другие. Хотите, карточки покажу?

Не дожидаясь согласия, она вытащила из ящика альбомчик.

– Глядите, просто красавица.

Честно говоря, смотреть оказалось не на что. Почти на всех снимках запечатлена худая, даже скорее тощая девица. Волосы туго стянуты либо в пучок, либо в хвостик. Мелковатое личико с остреньким носиком, тонкие губы и почти полное отсутствие бровей и ресниц. Правда, на последних снимках видны кое-какие изменения. Волосы коротко пострижены и выкрашены в рыжий цвет – очевидно, робкие попытки приукрасить внешность. На всех снимках девчонка запечатлена одна, иногда с кошкой.

– Худенькая какая, – решила я вызвать на разговор тетку, – но хорошенькая, небось кавалеры пачками бегают.

– Ой, – отмахнулась Рада Ильинична, – никого нет. На мехмате такие странные мальчишки учатся! У них там девочек – всего ничего. Так поухаживайте, в кино позовите – нет! Яночке, правда, и некогда. Хочет красный диплом получить, сидит целыми днями в библиотеке. Пару раз даже у Жени оставалась ночевать. Задержится до ночи, ехать страшно. У нас хоть метро и рядом, но после десяти никого вокруг, мне на улицу трудно выходить, задыхаюсь!

– Кто это Женя?

– Евгения Полякова, подружка, в одной группе учатся. Женечка рядом с МГУ живет, квартира большая, вот Яночка у нее и ночует иногда.

В коридоре затренькал звонок, Рада Ильинична, тяжело дыша, пошла открывать дверь.

– Вот, – радостно сказала она, – знакомьтесь, Танюша. Еще одна Яночкина подружка, в одном классе учились. А это редактор журнала, – похвасталась тетка, – хочет про дочку статью писать!

Танечка быстро глянула на меня, потом поставила на стол большую хозяйственную сумку и, вытащив из кармана несколько смятых десяток, звонко произнесла:

– Все купила, даже банановый йогурт нашла.

– Ну спасибо, что бы без тебя делала, – принялась говорить Рада Ильинична.

Да, тетка явно ничего не знала про роман племянницы с Полянским. Но скорее всего ближайшие подружки в курсе дела.

– Жаль, конечно, что самой Яны нет, – вздохнула я, – но материал можно построить и по-другому. Если, конечно, подруги не откажутся ответить на вопросы. Вы далеко живете?

Таня засмеялась:

– Дальше некуда – за стенкой.

Мы пошли к ней. Девчонка тоже провела на кухню и принялась готовить кофе.

– Давно дружишь с Яной?

– Всю жизнь, – улыбнулась Танюша, – познакомились в пять лет, куличики вместе строили. Потом в одну школу пошли, десять лет рядом просидели. Вот только в институты разные попали. Я в математике ничегошеньки не понимаю.

– Скажи, ты знаешь, где Яна?

– В Киеве, – подтвердила Таня.

– Точно знаешь?

Выяснилось, что пятого июня, примерно в три часа дня, Рада Ильинична позвала Танечку. Яне предложили внезапно отправиться в Киев, и она не успевала захватить домой за вещами.

– Как странно, – пробормотала я, – к чему подобная спешка, не могли заранее предупредить?

Рада Ильинична объяснила Тане, что в Киев должна была ехать команда пятикурсников, но кто-то заболел, и Яну срочно поставили на замену.

Танюша послушно взяла саквояж и повезла на Киевский вокзал. Прибыла девушка буквально за пять секунд до отхода экспресса. Яна только схватила вещи, махнула рукой и вскочила в вагон.

– Она ехала одна?

– Не знаю, наверное, со всей командой.

– Интересно, Максим Полянский провожал Соколову?

Таня внезапно покраснела. Лоб, щеки и даже шея зарделись, словно маков цвет.

– Вы откуда знаете про Максима?

– Нет ничего тайного, что не стало бы явным, – гордо провозгласила я.

После этих слов девушка просто побагровела.

– Вас его супруга прислала?

– Нет, что ты, деточка. Просто Максим Андреевич попал в очень неприятную ситуацию. Я его адвокат, и мне нужно выяснить, что он делал в ночь с пятого на шестое июня. Просто не хотела зря волновать Радку Ильиничну. Скажи, ты точно видела, что Яна уехала?

– Конечно, проводница еще ругалась, что она в последний момент села. Поезд в 13, вагон в 13, такое вот сочетание. А что случилось с Полянским?

– Он в тюрьме, обвиняют в убийстве жены.

– Боже, – прошептала Таня, – а Яна не попадет?

– За что?

– Ну, последнее время они часто были вместе. Познакомились в сентябре и с тех пор не расставались.

Второго сентября примерно в пять часов дня Яна тихонько брела в сторону метро «Университет». Внимание девушки привлек симпатичный мужчина, стоявший около джипа. Под-

нятый капот вездехода демонстрировал внутренности. Мужик дергал руками проводки, потом со злостью пнул колесо ногой, вытащил мобильник и закричал:

– Мама, прости, не приеду. Стою на дороге, как дурак, со сломанной тачкой, все планы псу под хвост!

Он закрыл телефон и, не обращая внимания на то, что пачкает белые брюки, плюхнулся на бордюрный камень.

Яна в тот день никуда не торопилась. С самого детства девочка увлекалась моторами. Когда другие дети играли во дворе в классики и скакали через веревочку, Яночка затаив дыхание стояла возле автомобилистов. В двенадцать лет ребенок запросто мог разобрать и собрать внутренности «Жигулей». Со всего дома соседи тащили Яне загадочные кофемолки, радио и телевизоры. У девочки оказались просто золотые руки. Увидав расстроенного мужика, годившегося ей в отцы, Яна подошла и с интересом заглянула под капот. Причина неполадки стала ясна сразу.

– Иди, иди, девочка, – безнадежно сказал водитель.

Яна засучила рукава пуловера и нырнула внутрь. Через пару минут джип весело зафыркал. Страшно удивленный Макс помог неожиданной помощнице вымыть руки и довез девушку до дома. Так начался роман.

Яна влюбилась в Максима до потери пульса. Ей ничего от него не было надо: ни бриллиантов, ни шуб, ни квартир. Только находиться рядом с любимым, дышать с ним одним воздухом, тихо сидеть около...

Все вечера теперь она проводила с Максимом. Иногда забегала к Танечке и с порога принималась рассказывать, какой Полянский замечательный, умный, нежный, тактичный, воспитанный, тонкий, красивый... Эпитеты растягивались на несколько минут. Был только малюсенький изъян – жена Вероника. Яну мучила совесть, ей не хотелось разрушать чужое счастье. Но Максим объяснил девушке, что семьи как раз и нет, осталось одно пепелище. Развод – дело давно решенное, и не она тому причиной.

Яночка просто летала, сияя от счастья. Впервые в жизни ей захотелось стать красивой. Поэтому, готовясь поехать с Максом в Тунис, она постригла негустые волосы и выкрасила шевелюру в рыжий цвет.

– Вышло ужасно, – вздыхала Таня, – но ей понравилось.

– Они хотели ехать отдыхать?

– Да, – кивнула подружка, – билеты купили на семнадцатое июня. Раде Ильиничне собиралась сказать, что отправляется в студенческий лагерь, на побережье Крыма.

«Странно, – подумала я, – мечтает о поездке с любовником на море и внезапно отправляется на олимпиаду в Киев. Ну да бог с ней, взбалмошной девицей. Ясно, раз Таня видела, как вечером пятого июня Яна садилась в поезд, значит, девушка не встречалась с Максом в роковую ночь. Неужели он и правда просидел в кабинете, притворяясь спящим?»

Глава 6

Домой я ввалилась около девяти вечера, голодная, потная и злая. В гостиной, мирно переговариваясь, сидели свекрови. В руках у них поблескивали крючки. Надо же, нашли общий язык. И та, и другая увлекались вязанием дурацких беленьких салфеточек из катушечных ниток.

– Поздно как приходишь, – заметила Нина Андреевна.

– Кстати, Маша смотрит абсолютно неподходящий для ее возраста фильм, – наябедничала Римма Борисовна.

– Дети сейчас окончательно распустились, а матери только о работе и думают, – вздохнула свекровь номер два.

– Мы своих сыновей в строгости держали, – согласилась с ней свекровь номер три.

Внимательно глядевший на них Снап тихонько гавкнул. Нина Андреевна сунула руку в жестяную коробку с печеньем и с умилением запихнула жирное, сдобное лакомство в подставленную раскрытую пасть. Тут же подлетел Банди и был наделен таким же угощением.

– Кстати, – сообщила Римма Борисовна, – там у Аркашки сидит какой-то мужчина, вроде твой приятель. И скажи мне, ты обращала внимание на желудок сына? За обедом он съел только салат из огурцов, так недалеко до гастрита. Я тебе дам почитать вырезки из газеты «Здоровье» на эту тему, страшно интересно.

– Да она сама отвратительно питается, – вступила Нина Андреевна, – вечно кусочничает и детей не научила по-нормальному обедать. И мне кажется, нельзя разрешать девочке гонять на мотоцикле. Это так вульгарно!

Мило улыбаясь в лицо гарпиям, я стала задом пятиться к двери. Нет, две свекрови сразу – это слишком, никакая нервная система не выдержит.

В кабинете у Аркашки сидел Александр Михайлович. В руках он держал какие-то документы. Я отметила, что перед ним стоят пустая тарелка, усеянная крошками, и нетронутая чашка с непонятной жидкостью светло-коричневого цвета. Легкий смешок вырвался из груди – Кешка угощает полковника «фирменным» напитком. Сын великолепно разбирается в винах и совершенно не умеет готовить кофе. Такого мерзопакостного пойла не удастся сделать никому. Аркашка пребывает в счастливой уверенности, что для полной кофеварки достаточно одной чайной ложки молотого кофе. Чтобы придать «кофе» вкус, он щедро сыплет туда сахар и от души доликает молока. Получившуюся жидкость отказывается употреблять даже всеядный Банди.

– Мать, – провозгласил Аркадий, – полковник приехал поговорить о деле Полянского.

Я вздрогнула и с укоризной посмотрела на сына: предатель, взял и растрепал об убийстве! Полковник как ни в чем не бывало мило улыбался и ласково пощипывал Хуча за жирные складки на спине. Мопс блаженно щурился.

Александр Михайлович – старый и верный друг. Много лет тому назад я, нищая преподавательница французского языка, польстилась на дополнительный заработок и нанялась почасовиком в Академию Министерства внутренних дел. Платили там просто отлично и, что было очень немаловажно по тем временам, давали богатый продуктовый набор. Именно с тех пор зефир в шоколаде носит в нашем доме название «милицейский».

Группа курсантов подобралась редкостная. Пятнадцать ничего не понимающих в языке молодых людей. Они великолепно успевали по своим полицейским наукам, но французский стал для них настоящим камнем преткновения.

– Уж лучше неделю в засаде сидеть, чем учить ваши неправильные глаголы, – признался один из слушателей в момент откровенности.

Чем ближе подкатывал экзамен, тем яснее становилось, что основная масса студентов его просто не сдаст. Ладно бы, принимай я экзамен одна. Поставила бы всем четверки, кто проверять станет? Но ректор МВД повелел собрать комиссию. Мои «французы» от страха потеряли последние шаткие знания. Тогда и решились на обман. Каждый получил по одному билету и вызубрил его назубок. Я же обязалась сделать так, чтобы они сумели отыскать в общей куче нужный листок.

Рано утром комиссия, состоявшая из врача-патологоанатома, преподавателя по стрельбе и милой учительницы математики, уселась за длинный стол. Я пристроилась с торца, тихо радуясь, что никто из проверяющих не владеет иностранными языками.

Когда на пороге появилась первая группа сдающих, быстренько всунула им нужные билеты. Экзамен покатился как по маслу. Курсанты бодро читали тексты и ловко отвечали на грамматические вопросы. Пятерки сыпались словно из рога изобилия. Я успокоилась и слегка расслабилась. И, как выяснилось, зря.

Облом случился в тот момент, когда билет вытянул Александр Михайлович, тогда молодой и кудрявый. Он сел на последнюю парту, и по выражению его лица я поняла: что-то случилось. С милой улыбкой, заглядывая в листочки тех, кто готовился к ответу, подплыла к нему и грозно прошипела:

– Ну?

– Не этот билет учил, – шепнул несчастный, – случайно другой взял.

Да, настоящая катастрофа.

– Слушай, – пробормотала я, – тут никто, кроме меня, французский не знает, прочти как-нибудь текст, а грамматику не спрошу.

Потный курсант приблизился к комиссии и судорожно начал изображать чтение вслух. Как он произносил слова! *Aujourd'hui* в его исполнении звучало как «аужурдоис», *est* читалось как «ест», но комиссия осталась довольна: быстро и четко, что еще надо? Махнув рукой, я придвинула к себе зачетку страдальца. И именно в этот момент преподаватель стрельбы воскрес от сна и велел: – Теперь переведите!

Курсант затравленно глянул на меня.

– Ну, – подтолкнула я, – не смущайтесь, я видела, как вы переводили письменно, все абсолютно верно, достаньте листок из портфеля и прочтите нам.

Понятливый слушатель выхватил из кейса какую-то бумажку и начал озвучивать доклад «Патологоанатомическое исследование трупа». Если учесть, что у всех остальных были сказки Шарля Перро, впечатление он произвел потрясающее.

– Какой трудный перевод, – покачала головой учительница математики, – неправильно составлены билеты. Одним – «Красная Шапочка», другим – самый сложный профессиональный отрывок. Идите, молодой человек, вы безусловно заслужили пятерку.

Остается добавить, что на следующий день меня долго ругали за идиотский подбор литературы для перевода.

С тех пор мы нежно дружим. Из стройного кудрявого лейтенанта приятель превратился в полного лысоватого полковника. Но на наши отношения подобная метаморфоза совершенно не повлияла. Оказавшись в Париже, мы моментально позвали его в гости. Полковник приехал и тут же подружился со своим французским коллегой комиссаром Жоржем Перье. Мы с Наташкой недоумевали, как мужчины ухитряются договариваться. Жорж не знает ни одного русского слова, Александр Михайлович с жутким акцентом может выдавить из себя классическую фразу: «Москва – столица СССР».

Но тем не менее они чудненько обсуждали профессиональные вопросы и мило посещали многочисленные парижские кафе. Провожая приятеля в Москву, Жорж принес в аэропорт маленькую корзиночку.

– Пусть собачка напоминает тебе обо мне, – сказал комиссар, – его зовут Хуч, и он похож на меня.

Что верно, то верно. Толстенький, с короткими ножками, английский мопсик удивительным образом походил сразу на обоих полицейских – московского и французского.

Сначала Хучик обретался в холостяцкой квартирке полковника, но милицейского начальника целыми днями не бывает дома. Мопс начал скучать, потом заболел от тоски.

Маша пожалела песика, так Хуч оказался у нас. Ольга дала ему второе имя – Федор Иванович. Покладистый кобелек отзывается на обе клички. Хучика в нашей семье любят все, даже суровые кошки.

В идиллических взаимоотношениях с Александром Михайловичем есть одна – зато какая! – ложка дегтя. Он работает в системе МВД, и в поле его зрения попадают самые разные уголовные дела. Несколько раз ему приходилось допрашивать меня, совершенно официально, с оформлением протокола. Но я ей-богу не виновата, что постоянно ввязываюсь в невероятные истории. Ну судьба такая, планида несчастливая! То нахожу труп на помойке, то ближайшая приятельница умирает внезапно, в самый разгар праздника. И уж совсем не моя вина, что сотрудники милиции не хотят расследовать преступления, а быстренько списывают все на самоубийство или несчастный случай. Правда, в последний раз обещала больше «не путаться под ногами». Но ведь не бросать же Макса в беде.

– Надо же, какая интересная случайность, – принялась я мести хвостом, – именно Аркашку Нина Андреевна наняла адвокатом!

– Просто трагическое совпадение, – подхватил полковник, – если учесть, что дело веду я.

Вот это да! Вот уж не повезло, так не повезло, теперь и шагу ступить не даст без разрешения.

– Дашута, – неожиданно ласково завел приятель, – понимаю твой энтузиазм. Все-таки муж, хоть и бывший. Всегда трудно поверить, что человек, с которым жил рядом, – убийца.

– Он не убивал, – тихо, но настойчиво сказала я.

– Слушай, – начал вскипать приятель, – есть дела, вызывающие сомнения, а есть абсолютно ясные. Полянский готовил убийство заранее, обеспечил алиби. Другое дело, что действовал по-идиотски, попался на глаза соседям, измазал брюки, да еще близкому приятелю сообщил о задуманном.

– Кому? – изумилась я.

– Семену Воробьеву. Знаешь такого?

Еще бы не знать. Бывший одnogруппник Макса из Литературного института. Приехал поступать в вуз по рабочей квоте чуть ли не в лаптях. Огромный, белообрый, с пороссячими глазками и неистребимым провинциальным говорком. В первый свой визит до глубины души шокировал Нину Андреевну тем, что высморкался при помощи пальцев, а потом жеманно обтер руки носовым платком. Но меня отталкивало не отсутствие воспитания и манер, а какая-то всепоглощающая зависть, которую Сеня испытывал к Максy. Доходило до смешного. Стоило Максиму купить не портфель, а рюкзак, как Сенька тотчас же обзавелся таким же.

Семен страстно желал по окончании института остаться в Москве. Макс познакомил его с Аделаидой Кляйн, престарелой девицей, потерявшей надежды на замужество. Получив Аду в жены и приобретя московскую прописку, Воробьев устроился сотрудником в многотиражную газету, издававшуюся на мясокомбинате. Сладкое место по голодным годам. Писатель из мужика так и не получился.

– Семену? – повторила я, недоумевая.

– Да, – подтвердил Александр Михайлович, – вот смотри.

И он протянул мне бумагу.

Так, Семен Владимирович Воробьев, год рождения, адрес, паспортные данные, по существу заданных мне вопросов могу сообщить...

Я читала, и остатки волос становились на затылке дыбом.

Макс приехал к Семену первого июня в довольно сильном подпитии.

На замечание приятеля, что в таком виде лучше не садиться за руль, Максим махнул рукой и сообщил:

– Разобьюсь, и ладно, жизнь надоела.

Всегда радостно слушавший о неприятностях Полянского, Семен принялся допрашивать Макса.

Тот пожаловался на неприятности в бизнесе, сообщил, что наделал долгов. Кредиторы включили счетчик, и теперь Полянский должен продавать квартиру, иначе убьют.

– Так отдай им хоромы, жизнь дороже, – посоветовал участливый дружок.

Но Макс сообщил, что не может этого сделать, апартаменты приватизированы в разных долях на него и жену, а Вероника категорически отказывается жертвовать своей долей.

– Я ее убью, – бесновался Полянский, – просто застрелю, суку!

Он так стукнул кулаком по столу, что часы «Ролекс» свалились с запястья и разбили тарелку. И он принялся размахивать перед носом испуганного Семена «береттой». Воробьев кое-как успокоил буяна. Утром Макс позвонил, извинился, сказал, что, очевидно, водка в мозги ударила. Все у него хорошо, все прекрасно. На том и расстались.

– Теперь понимаешь, что Максим – убийца? – вкрадчиво спросил Александр Михайлович.

– Да, – сказала я.

– Обещай больше не лезть в это дело!

– Хорошо.

– Вот и ладненько, – обрадовался полковник. – А нам с Хучиком дадут чай с пирожными или все твои свекрови съели?

Мы пошли в столовую. Мои руки автоматически наливали чай в чашки и передвигали вазочки с выпечкой, рот произносил какие-то слова, но голова была занята совершенно другими мыслями. Улучив момент, когда полковник и Аркашка включили телевизор и самозабвенно погрузились в ужасы, которые у нас называются новостями, я подсела к Нине Андреевне.

– Жаль, что мы не передали Максиму его часы. Он так об этом просил. Хотя, думается, туда лучше попроще вещицу. У него, кажется, «Ролекс»?

– Нет, – сообщила Нина Андреевна, – я же тебе показывала. «Лонжин», безумно дорогие, с бриллиантами, почти тридцать тысяч долларов стоили.

Я в задумчивости принялась откусывать эклер, удивляясь неприятному, картонному вкусу. «Лонжин»! Конечно, помню.

Почему же Семен упомянул, что на запястье Макса болтался «Ролекс»? Перепутал марки? Кто угодно, только не Воробьев. Вот уж кто абсолютно точно знает, что носит Полянский. Небось парень обзавидовался, понимая, что никогда не купит себе такие. Интересно, поеду завтра к Сене и выясню подробности.

Почувствовав спиной чей-то взгляд, обернулась. Александр Михайлович ласково спросил:

– Вкусное пирожное?

– Не очень!

– А ты всегда ешь их вместе с упаковкой?

Я посмотрела повнимательней на выпечку и обнаружила, что одновременно с эклером пытаюсь прожевать и обертку. Так вот почему во рту вкус бумаги! Мило прихихикивая, я попыталась проглотить несъедобный кусок. Полковник тоже приятно улыбался, но глаза его не предвещали ничего хорошего.

Глава 7

Ровно в половине восьмого кто-то постучал в спальню. Я села, тряся гудевшей головой. Вчера до часу читала обожаемую Джорджетт Хейер, потом долго вертелась в кровати.

Дверь распахнулась, и в комнату влетела Маня.

– Все ждут тебя завтракать!

– Меня? Зачем это? До сих пор каждый превосходно пил кофе, когда ему удобно.

– Иди, иди, – хихикнула Маруся, – велено без тебя не подавать.

Недоумевая, я натянула халат и потащилась вниз. За огромным круглым столом восседали домочадцы в полном составе. Нина Андреевна укоризненно покачала головой:

– Пыталась узнать, когда вы завтракаете, но Мария сообщила, что каждый ест в свое время. Ужасно! Трапезничать следует вместе, это спланирует. Давайте с сегодняшнего дня введем традицию – завтракаем в полвосьмого, обедаем в два, ужинаем в семь. И, пожалуйста, Дашенька, надевай платье, а то в халате как-то неудобно.

– Правильно, – поддакнула Римма Борисовна, – только в нормальной одежде. Мы себе никогда не позволяли появляться на людях распустехами.

Я поглядела на Нину Андреевну. Женщина сверкала красивой укладкой и легким макияжем. Элегантная шелковая водолазка скрывала морщинистую шею. Скажите, пожалуйста, всего одна ночь на новом месте, а какая метаморфоза!

– Дети, – продолжала Нина Андреевна, глядя, как я пытаюсь проснуться, – должны иметь перед глазами положительные примеры. Мой сын, например, стал полноценным членом общества только потому, что отец и я всегда учили его добру.

Ага, и поэтому он теперь сидит в Бутырке по обвинению в убийстве.

– Очень приятно, – продолжала вещать старуха, – что Мария оказалась благоразумной девочкой, сняла джинсы и переделалась. Если она еще согласится не ездить на мотоцикле, будет просто чудесно.

– Мусечка, – тихонько зашептала дочь, – она долго у нас проживет, эта зануда эфиопская?

– Совершенно справедливо, – поддакнула Римма Борисовна, – пока мы здесь, попробуем помочь Даше. Аркашенька, что же ты не ешь геркулесовую кашу? Специально велели вашей кухарке сварить на воде, страшно полезно для печени и желудка. Никаких проблем со стулом!

Кеша усталился на ненавистную кашу. Последний раз сей гадкий продукт побывал у него во рту лет в пять! Зайка хихикнула. Сын со вздохом опустил ложку в скользкую жижу и попробовал проглотить. Лицо парня отразило невероятную муку. Мне стало жаль бедолагу.

– К сожалению, у Кеши аллергия на овес, – сообщила я радостно.

Сын с благодарностью глянул на меня.

– Скажите, какая неприятность, – всплеснула руками Римма Борисовна. – А у Машеньки?

– Тоже, – констатировала я, глядя, как Маруська размазывает ложкой овсянку по тарелке, пытаюсь создать видимость ее поедания.

Избавившись от ненавистной каши, домашние повеселели. Римма Борисовна и Нина Андреевна завели длительную дискуссию о пользе ежедневной клизмы. В какой-то момент Полянская отвлеклась и сообщила:

– Кстати, что-то случилось с желудком у Банди. Он плохо покакал, очень жидко.

Стараясь сохранить серьезность, я вылезла из-за стола.

– Обед в два, – заявили в унисон старухи.

– У меня занятие в академии, – быстро нашлась Маруся.

– Не успею приехать, занят в консультации, – развел руками Кеша.

– Очень сложный перевод на лето задали, – вздохнула Зайка, – просижу весь день в библиотеке.

Гарпии уставились на меня. Все мало-мальски приличные поводы уже разобрали, пришлось сказать правду:

– Поеду в Бутырку передавать Максу вещи.

Римма Борисовна ойкнула, молчавший все время Гера с любопытством глянул на меня. Нина Андреевна покраснела, но удар выдержала мастерски.

– Часы не забудь! – крикнула она мне вслед.

Я выкатила «Вольво» и взглянула на циферблат – начало девятого. Скорее всего Семен спит счастливым сном, поеду потихоньку к его дому.

Воробьев жил на улице с приятным названием Солнечная. В ранний час на улицах сновало не так много машин, и добралась я быстро. Посидев десять минут в машине, решила наплевать на приличия и набрала номер телефона Сени. Трубку сняли сразу.

– Алло, – произнес недовольный хриловатый голос.

– Сеня, доброе утро. Это Даша, бывшая жена Максима.

– А, – без всякого энтузиазма протянул мужик.

– Хочу с тобой поговорить, только лично, с глазу на глаз.

– Подъезжай до двенадцати, позже не смогу.

Я заперла автомобиль и пошла в подъезд. Звонить в дверь пришлось минут десять. Наконец с той стороны послышался сонный голос:

– Кто там?

– Даша.

Семен распахнул дверь. Махровый халат подчеркивал огромное пузо, которым мужик обзавелся к сорока годам.

– Ты? – изумился он.

– Сам велел до двенадцати приехать, – с идиотским видом заявила я.

– А я думал, Адка с дачи приехала, – невпопад ответил Сеня.

Он провел меня в гостиную и, попросив подождать, вышел, плотно притворив дверь. Потом в холле послышалось легкое шуршание. На цыпочках я подошла к двери и, присев, заглянула в замочную скважину. Сеня выпроваживал из квартиры девушку. Лица не видно, только длинные черные волосы да стройная фигура. В руках уходящая держала большую красную лакированную сумку. Ай да проказник! Аделаида – на дачу, а муженек – развлекаться.

Послышался негромкий плеск воды, потом Семен всунул в гостиную голову:

– Кофе хочешь?

– Давай, только на кухне.

В большой мойке из нержавейки стояла грязная чашка, на ободке – след кроваво-красной помады. Проследив за моим взглядом, Сеня сообщил:

– Приятель вчера заходил, посидели, кофейку попили.

Ну да, дружок скорее всего «голубой», раз помадится. Но мне было недосуг оценивать умственные способности Воробьева.

– Знаешь, что случилось с Максом?

– Что? – прикинулся кретином старый друг.

– В тюрьме сидит, за убийство!

– Ах это, – протянул Сеня, – старая новость, думал, еще чего произошло. Похуже.

– Господи! Как ты считаешь, что может быть хуже?

– Ну, в тюрьме всякое случается, запросто убьют или опустят, а еще туберкулез, чесотка...

Слушая, как добрый друг сладострастно перечисляет подстерегающие Макса неприятности, я в который раз удивилась могуществу зависти. Хотя, если разобраться, особых поводов у Сени не было.

Генерал Полянский и папа Сени, тоже генерал, близко дружили еще с тех пор, когда спали на соседних койках курсантами. Вместе учились, вместе совсем юными отправились на фронт, воевали бок о бок. Потом жизнь развела их в разные стороны. Полянские осели в Москве, Воробьевых мотало по стране. Частые переезды не лучшим образом сказались на Семене. Он иногда оказывался с родителями в таких местах, где даже не было школы. Поэтому когда мальчику исполнилось двенадцать, его отвезли к бабушке, в богатую сибирскую деревню, где-то в районе Красноярска. Старуха получала на внука великолепное денежное довольствие, да и сибирский колхоз – не то что подмосковные хозяйства. На завтрак, обед и ужин Сеня ел парную говядинку и свининку, лакомясь пельменями, шанежками и пирогами с брусникой, морошкой, грибами, а рыбу там и за еду не считали. В девятом классе он бросил школу и пристроился в правление колхоза «Наш путь». В обязанности Сени входило готовить обзор сельских новостей, который звучал каждый день по деревенскому радио в рабочий полдень. Родители навещали сына не слишком часто. Потом умерла мать. Отец, погоревав для порядка полгода, женился вновь. Сеня отправился в Караганду знакомиться с мачехой. И опять повезло. Милая, простоватая женщина чувствовала себя немного виноватой перед пасынком, тем более что ее родной сын жил вместе с ней. Подарки посыпались на Сеню дождем, денежное содержание увеличили.

В 1976 году Семен приехал поступать в Литературный институт. Абсолютно бесприоритетный вариант – колхозник из далекой Сибири, организатор деревенского радиовещания! Ну кто мог по прежним временам зарезать такого абитуриента на вступительных экзаменах, когда каждому вузу вменялось в обязанность учить детей из разных социальных слоев. Поэтому Сеня поступил легко, несмотря на сплошные тройки, полученные за сочинение, иностранный язык и историю. Кстати, генералу Полянскому пришлось изрядно поистратиться, чтобы пристроить в то же учебное заведение Макса.

Нечего и говорить о том, что Сеня тут же оказался у Полянских дома. Парни скорешились. Но странной оказалась эта дружба. Сеня быстро понял, что приятель опережает его во всем. И дело даже не в манерах! К Новому году Воробьев научился пользоваться ножом и салфеткой, перестал употреблять замечательные глаголы «ложить» и «покласть», сменил «Беломор» на сигареты «Ява». Тем не менее в любой компании Макс оказывался главным. Семен начал одеваться как его приятель, старательно копировал манеру поведения и даже завел себе часы-луковицу. Но Максим непринужденно откидывал крышку своего брегета деликатным движением руки. Сеня вызывал смех, когда делал то же самое. Папа-генерал давал достаточно денег, и у Семена не существовало материальных проблем. Но в Макса девушки влюблялись страстно, писали письма и обрывали телефон. Сене доставались любительницы погулять и выпить на халяву. Макс спокойно рассуждал об экзистенциализме и зачитывался Хемингуэем, впадал в восторг от Апдайка и Айрис Мэрдок. Сеня, отчаянно скучая, оказался вынужден читать эти книги, не получая ни малейшего удовольствия. Его сердцу более милым казался Лев Овалов с майором Прониным. Но в Литературном институте любовь к простым детективам считалась дурным тоном. В крайнем случае студенты могли пролистывать Агату Кристи или Рекса Стаута, естественно, в подлиннике.

Внешне они так же разительно отличались друг от друга. Тонкокостный, изящный Макс с аристократическими руками человека, никогда не занимавшегося физическим трудом, и крепистый, плотного телосложения Семен с лопатообразными кистями рук.

К концу пятого курса Максим сыграл уже третью свадьбу. Сеня никак не мог подобрать невесту. Попадались либо провинциальные девицы, либо голодранки. А Воробьев хотел

жениться только на москвичке, причем с положением. Ехать назад, в деревню под Красноярском, «колхозник» не желал.

В конце концов, видя, что у парня ничего не получается, за дело взялся Макс. Вместе с Ниной Андреевной они сосватали «писателю» дочь старинных приятелей – Аделаиду Кляйн. Фамилия ее в переводе с немецкого означает «маленькая», но невеста оказалась ростом с жениха, такая же ширококостная, с грубоватым лицом. К тому же Аде исполнилось двадцать семь лет. Но все недостатки меркли перед тем, что она была урожденной москвичкой да еще дочерью директора одного из самых больших московских гастрономов. А по тем временам подобный человек разговаривал сквозь зубы со всеми, будь они космонавтами, партийными функционерами или артистами. Чины чинами, а вкусную колбаску, сыр и маслины любят все. Адин папа ловко управлял краном продуктопровода. В виде свадебного подарка молодые получили новехонькую двухкомнатную кооперативную квартиру и недоступные простому человеку «Жигули». Наконец-то Сене удалось обскákat Макса! Но зависть – странная вещь, Семен продолжал приобретать вещи, как у Макса, мебель, как у Полянских, даже Ада носила шубу, как у Нины Андреевны. Представляю радость Воробьева, узнавшего, что генеральша Полянская собирает бутылки, и чувствую его горе при известии об успехах Макса в бизнесе.

– Говорят, там в камерах на двадцать человек сидят все сто, – упивался Сеня, – какой ужас, бедный Макс! Хотя сам виноват – зачем убивал!

Я решила слегка испортить мужику удовольствие:

– Слава богу, Максима это не касается. Теперь можно оплатить коммерческую камеру и сидеть по-человечески с холодильником и телевизором, даже еду из ресторана носят.

Сеня уставился на меня пороссячими глазками, заплывшие жиром мозги переработали информацию о «коммерческой» камере.

– Сколько же стоит такое?

– Ерунду, – на ходу придумала я, – полторы тысячи баксов в месяц, но деньги для нас не проблема, лучше скажи, ты веришь, что он убил Веронику?

Семен побагровел:

– Конечно, сам говорил. Приехал абсолютно пьяный, пистолетом размахивал, кричал, что на него какой-то Круглый наехал. Безумные деньги одолжил – миллион долларов.

Я глядела на Сеню во все глаза. Миллион «зеленых»? Как-то это уж слишком, откуда столько денег? Конечно, торговля яйцами – доходный бизнес, но не настолько же?

Сеня тем временем достал бутылку коньяка и наполнил фужеры. Выслушав мой отказ, мужик разом опрокинул в себя обе емкости. Удивительное дело, раньше он столько не пил.

– Тебе Вероника нравилась? – решила я прощупать почву с другой стороны.

Воробьев внезапно покрылся испариной и побледнел.

– На что намекаешь?

Я оторопела:

– Да ни на что. Просто интересно, как они с Максом жили. Неужели довела его до убийства?

Сеня налил еще один фужер коньяка и залпом опустошил почти сто пятьдесят грамм. Он что, в алкоголика превратился?

– Сеня, а где ты сейчас работаешь?

– Издаю журнал «Скандалы недели», – ответил мужик, уже с трудом ворочая языком. – Веронику знал плохо, почти не общались. Она очень Адке не нравилась, а я в отличие от Макса с одной женой всю жизнь живу, не таскаюсь!

– Ха, – возмутилась я, – мне-то не ври, не в милиции. То-то сейчас бабу прятал, черненькую такую, с красной сумкой!

Вполне невинный намек на адюльтер почему-то привел мужика в состояние крайнего ужаса. Такой остекленелый взгляд бывает у нашего Снапа, когда он видит ветеринара со шприцем. Воробьев опять схватился за «Наполеон». Тут зазвонил телефон.

– Да, – просипел собеседник.

По мере того как говоривший сообщал новости, лицо мужика все больше вытягивалось. Бросив трубку, Сеня кинул на меня затравленный взгляд:

– Это не любовница, сотрудница заходила за материалом, сегодня номер сдаем.

Поняв, что мужик почему-то страшно боится, я решила ковать железо, пока горячо, и, погрозив пьяному шалуну пальцем, произнесла:

– Ай-яй-яй, как нехорошо фантазировать. На твое несчастье, я хорошо знакома с ухидшей дамой и узнала ее. Хочешь, имя назову: на «а» заканчивается.

Эффект превзошел все ожидания. Воробьев рухнул на колени и протянул ко мне толстые руки:

– Дашка, не губи! Все расскажу, покаюсь, только никому ни слова. Ну хочешь, заплачу? Я теперь богат. Сколько тебе надо – десять тысяч, двадцать «зеленых»? Только не рассказывай...

И тут защелкал замок, и раздалось приятное меццо:

– Муся, ты где?

С дачи вернулась Ада. Сенька немедленно вскочил на ноги, но от выпитого коньяка мужика повело, и он шлепнулся на задницу. Вошедшая супруга брезгливо оглядела муженька, пустую бутылку и перевела взгляд выпуклых глаз на меня:

– Что тут происходит?

– Мулечка, – проворковал Сеня, пытаясь собрать ноги в кучу, – приехала, дорогушенька!

– Я бывшая жена Максима Полянского, – быстро попыталась я внести ясность, – приехала поговорить с Семеном.

– Вижу, славно побеседовали, – процедила сквозь зубы Ада. Глаза ее вспыхнули злобным огнем, не обещающим мужу ничего хорошего. – Все выяснили?

– Нет, – нахально заявила я, – скажите, не помните, какие часы носил Макс?

– Как же, – фыркнула Ада – дорогуший будильник, весь в камнях, а названия не знаю...

– «Ролекс», – икнул с пола изрядно осоловевший от выпитого Сеня, – золотой «Ролекс», он еще его уронил, тарелку разбил.

Ада брезгливо поморщилась и вышла. Я приблизилась к глупо улыбающемуся «другу» и внятно произнесла:

– Ладно, на сегодня оставлю в покое, но завтра приду снова, тогда и побеседуем.

Сев в «Вольво», я призадумалась. Интересно, что так напугало Воробьева? Неужели настолько трясется перед Аделаидой, что простое упоминание о любовнице довело мужика до полной потери пульса?

Глава 8

В Бутырке я оказалась около двенадцати. Потная толпа штурмовала окошки. Втащив внутрь довольно объемистую сумку с поклажей, я облокотилась на один из небольших деревянных столиков и обозрела пейзаж. Нечего и думать сдать вещевую передачу законным путем. Подожду, когда к концу рабочего дня схлынет наплыв, и покажу в окошке зеленое «спецразрешение». И тут раздался невероятный вопль.

– Гады, сволочи, мерзавцы, – бесновалась растрепанная баба, потрясая кульком, – сыночку посадили, суки, и еду хорошую не берете! Взятчики сами, воры, ненавижу, менты поганые, легавки долбанные...

Толпа притихла, окошки разом захлопнулись, бабища продолжала захлебываться истерикой. Краем глаза я заметила, как некоторые женщины быстро потащили баулы к выходу...

Вдруг послышались громкий топот, мат, и в переполненное помещение ворвался наряд ОМОНа. Глядя, как по спинам ни в чем не повинных людей смачно гуляют дубинки, я похолодела. Дадут такой палкой по черепушке, и конец: всю оставшуюся жизнь будешь в психушке слюни пускать. Энергично работая кусками литой резины и сопровождая свои действия пинками и отборным матом, омовцы начали вышвыривать родственников на улицу. Сумки с продуктами они топтали ногами. Утирая кровавые сопли и воя от ужаса, толпа, состоящая в основном из женщин, бросилась к выходу. В дверях возникло столпотворение, послышались крики: «Спасите, раздавили!»

Не осознавая, что делаю, я влезла под шаткий столик и затаилась, авось не заметят. Постепенно вопли удалялись, в конце концов наступила давящая тишина. Послышался лязг запиравшихся замков. Потом около столика остановились ноги в камуфляжных брюках. Потянуло дымком дешевой сигареты. Сжимая в непонятно почему окоченевших руках кожаный ремень сумки, я льстиво зачирикала из-под столика:

– Сыночек, а сыночек!

Ноги от неожиданности подскочили на месте.

– Твою мать, кто здесь? – произнесла невидимая голова.

– Сыночек, наклонись!

Перед глазами возникло оторопелое, совсем не злое лицо простоватого рязанского парня с каплями пота на переносице. Вспотел, сердешный, гоняясь за женщинами.

– Как сюда попали, гражданочка? – строго осведомился он. – А ну, вылазь, живо.

– Ой, не могу, сыночка, – пела я, – залезть залезла, а назад – ну никак. Подними столик, родименький, вынь, сделай милость!

Милиционер выпрямился и захохотал, потом крикнул:

– Катька, Вера Алексеевна, глядите!

Около мужских появились две пары женских ног – одни в парусиновых тапках, другие в китайских босоножках.

– Ох уж эти матеря, – сказала, наклонившись, пожилая, – воспитают бандитов на свою голову, а потом мучаются!

– Ой, не могу, – покатывалась с хохоту молодая, – глянь, Сережка, как гражданочка сидит, ровно собака в будке, и сумочку крепенько держит. Ну, молодец – не растерялась.

Незлобивый Сережа хохотнул в ответ.

– Кончай базар! – прикрикнула на не вовремя развеселившуюся молодежь пожилая тюремщица.

Втроем они подняли столик, и я выпала наружу. Спину ломило от неудобного, скрюченного положения. Я попыталась встать на онемевшие ноги и тут же схватилась за отчаянно

болевшую поясницу. На глаза набежали слезы, всегда начинаю плакать, если понюхаю пыль. Вера Алексеевна поглядела на меня с жалостью, Сережа и Катька тихо пересмеивались.

– Идите, маманя, – строго сообщил милиционер, – за ваше хамство сегодня передачи не принимают. Вона чего удумали – при исполнении оскорблять!

Подхватив сумку, я молча пошлепала к выходу. Безропотное подчинение приказу растопило ледяное сердце приемщицы.

– Ой, матеря несчастные, – пробормотала Вера Алексеевна. – Вернись, гражданочка. Катька, прими у ней вещички, чай не звери мы, понимаем. Думаешь, чего в тюрьме работаем? Дитев да внучков кормить надо!

Разбитная Катька принялась оглядывать вещи.

– Видать, не бедствуешь, – заключила она, вертя джинсы, – люди что попроще сюда несут, а тут сплошная фирма. «Тэтрис» не возьму, не положен.

Я молча достала кошелек. Катерина помяла в руках бумажки.

– Ты вот что, смена моя через день. Подходи после трех да кликни Катю Рогову. Нечего со всякими давиться, опять в неприятность влезешь. Можешь все приносить, возьму. Только наркотики и водку не неси, с таким не связываюсь.

Договорившись, что послезавтра подвезу часы, я вышла на Новослободскую и увидела свое отражение в витрине универмага. Да, сильное впечатление. Светло-песочный костюм превратился в грязную, бурую тряпку, волосы торчат дыбом, колени покрыты черными пятнами, по морде размазана «несмываемая» помада от Диора. Редкая красавица. Кое-как наведя относительный порядок, я поехала на мехмат.

Милая инспекторша из учебной части, принимая коробочку шоколадных конфет, изумилась:

– Какая олимпиада? Какой Киев? Да у нас сессия в самом разгаре. И потом, давно уже не имеем с Украиной никаких связей. Это жуткая морoka – отправлять туда студентов, другое государство теперь. Нет и еще раз нет.

Я присела между колоннами. Интересно, зачем тогда Яна отправилась в столицу «незалежной України»? Может, подружка Женя знает?

Рада Ильинична оказалась права. Женечка жила совсем рядом с университетом в огромном, растянувшемся на целый квартал доме из светлого кирпича. Девчонка оказалась дома. Из-за жары на Женечке красовались только коротенькая маечка и трусики.

– А мамы нет, – сообщила она, отпирая замок, – приходите позже или вызывайте «Скорую».

– Мне ты нужна.

– Ой, а я думала, опять к маме соседи давление мерить. Со всего дома бегают, – бесхитростно поделилась Женечка. – Вы, наверное, по поводу объявления?

– Нет-нет, скажи, ты Яну Соколову хорошо знаешь?

– Да, – ответила Женя, – а вы кто?

– Адвокат Максима Полянского.

Женя, как и Таня, при этом известии густо покраснела, потом проямлила:

– Вас, наверное, Вероника наняла. Она грозилась притянуть Яну к ответу через суд.

– Нет, Вероника мертва, а Максим находится в тюрьме, и его обвиняют в ее убийстве. Женя посерела.

– Это он из-за Яны, да? Что же теперь будет?

Мы прошли в маленькую стерильную кухню, и Янина подружка залпом выпила полный стакан воды.

Пока она делала большие глотки, я внимательно глядела на девушку. Хорошенькое круглое личико, складненькая фигурка. Единственная неприятная деталь – прямо на коленке довольно большое, уродливое, темное родимое пятно, покрытое густыми черными волосами.

Полякова проследила за моим взглядом и без тени смущения пояснила: – С детства это «украшение» на ноге таскаю. Надо бы удалить, да боюсь, вот и живу пока с «мышкой».

– Скажи, – принялась я допрашивать девчонку, – откуда знаешь, что Вероника хотела подать в суд?

Женечка вздохнула:

– Она на факультет приезжала. В самом начале июня, первого числа. Мы как раз экзамен сдали, тут она и появилась. Вся такая расфуфыренная, надушенная. Подбежала и говорит:

«Где, девочки, Соколову найти?»

Яна и отвечает:

«Это я».

Вероника на нее уставилась и так удивленно протянула:

«Ты? Ну, у Макса совсем крыша поехала».

Потом они отошли в сторону и о чем-то довольно долго шептались у окна. Женечка только видела, как подруга все время отрицательно мотала головой. В конце концов Вероника обозлилась и закричала на весь коридор:

– Думаешь и мужика получить, и денежки прибрать? Макс таким милым кажется, замуж зовет? Ну так это все ненадолго. Поступит с тобой так же, как со мной, – вышвырнет вон. Между прочим, я у него седьмая жена!

Выкрикнув страстную тираду, Ника неожиданно громко зарыдала. Глядя, как по щекам покинутой супруги бегут черные от туши слезы, Яна и Женя перепугались. Девчонки принялись суетливо утешать Веронику и пытались напоить ее принесенным из буфета компотом. В конце концов Полянская утешилась. Ухватила цепкой наманикюренной ручкой в кольцах Яну и тихо произнесла:

– Чтоб ты сдохла, разлучница проклятая. Макс из-за тебя всякий разум потерял. Вчера пришел домой, выхватил пистолет и давай мне в лицо тыкать! Орет как ненормальный: «Не дашь развод – убью!» – и пушкой своей размахивает. Но только я никогда не разведусь с Полянским, ему и правда придется пристрелить меня, чтобы освободиться!

С этими словами она швырнула пустой стакан на пол и, с хрустом пройдя по осколкам, унеслась прочь.

Вся гадкая сцена разворачивалась на глазах у студентов. Правда, одногруппники, сплошь мальчишки, делали вид, что читают конспекты, но слова Ники об убийстве слышали просто прекрасно.

Яна страшно расстроилась, но решила не рассказывать любовнику о визите жены.

– Она очень деликатная, – вздохнула Женя, – другая бы воспользовалась моментом и выставила соперницу перед Максимом в черном свете.

Пятого июня, днем, подруга позвонила Жене и сказала, что отъезжает в Киев. Женечка удивилась такой странной поездке и спросила, что Яна забыла в столице Украины.

– Макс попросил кое-что отвезти, – расплывчато объяснила подруга.

– Разве вы не едете в Тунис? – еще больше изумилась Полякова.

– Поменяли билеты на июль, – ответила Яна, – у Максима сейчас крупные неприятности в бизнесе.

Потом помялась немного и добавила:

– За деньгами еду.

Ни названия гостиницы, в которой предполагает жить, ни номера телефона Яна не сообщила. Скорее всего она и не знает, что любовник сидит в тюрьме. То-то радость будет, когда вернется! Еще хорошо, что милиция не добралась до мехмата. Столько свидетелей, слышавших рассказ о пистолете и предполагаемом убийстве!

Я спустилась к машине и увидела около «Вольво» задумчивого гаишника.

– Что же вы, гражданочка, – с укоризной заметил страж порядка, указуя перстом на знак «Остановка запрещена!». – Придется штрафик платить.

Тут затрещал мобильник. Я вынула телефон и услышала знакомый голос:

– Дашута!

– Макс! Тебя отпустили! Ты откуда?

– Оттуда, – вздохнул бывший муж, – тут одному в камеру сотовый передали, мне позвонить разрешили. Пусть Аркашка принесет часы, маникюрные ножницы и иголки с нитками, еще куриную ножку. Здесь все адвокаты это приносят.

– Ладно, – пообещала я, – завтра передам тебе еще передачу, говори, что из еды хочешь?

Но в трубке уже звучали гудки отбоя. Я сунула мобильник в карман и уставилась на милиционера. Тот спросил:

– Неприятности? Аж побледнели вся!

– Да нет, – махнула я рукой, – муж из тюрьмы звонил, зачем-то куриную ногу просит. Ну ладно ножницы с иголками, но к чему ему сырой окорочок?

Гаишник быстро глянул на меня, еще раз обозрел «Вольво» и упругим шагом пошел прочь.

– Погоди, – заорала я, – а штраф?

– Прощаю, – махнул жезлом храбрый милиционер, – только уезжай поскорей.

Я завела мотор и расхохоталась. Отважный служитель закона явно принял меня за жену бандита. И муж из тюрьмы звонит, и машина новенькая... Такую оштрафуешь, а потом пулю в лоб получить можно.

Домой я добралась как раз к ужину. В гараже не нашлось ни Зайкиного «Фольксвагена», ни Аркашкиного «Мерседеса». Значит, сражаться со старухами предстоит в одиночку. Но в столовой меня поджидал сюрприз.

Бабульки и меланхоличный Гера восседали за столом. У окна стояла незнакомая девочка, ровесница Маши. Русые волосы ребенка были туго стянуты в две косы, завязанные нейлоновыми бантами. Одежда девчонки смахивала на пионерскую форму: темно-синяя юбочка в складку до середины колена и белая блузочка с простыми пуговицами. Светлые нитяные гольфы с черными туфельками довершали пейзаж. «Надо же, – пронеслось у меня в голове, – еще существуют дети, которые так одеваются!»

– Очень мило с твоей стороны приехать вовремя к ужину, – отметила Нина Андреевна.

– Привет, мамуля! – заорала девочка.

– Маша, – возмутилась Римма Борисовна, – не кричи, разговаривай нормально. Ну что, хорошо мы ее одели? По крайней мере на ребенка стала похожа.

Да уж, постарались отменно, так переодели, что родная мать не узнала!

Я под села к столу, Манюня пристроилась рядом.

– Правда я похожа на придурковатую Чебурашку? – шепнула дочь, потрясывая идиотскими нейлоновыми бантами.

– Маша, – тут же отреагировала Нина Андреевна, – не шепчись, это не комильфо, ешь молча.

Пусть скажут спасибо, что у ребенка золотой характер, другой бы опустил милым бабулям на голову тарелку с непонятным содержимым, поданным на ужин.

Я взяла вилку и поковыряла белую массу. Интересно, что это? На вкус похоже на мокрую вату, с виду сильно смахивает на пену для бритья.

– Нравится? – улынулась Римма Борисовна.

– Потрясающе! – в унисон ответили мы с Маней.

– Фирменное блюдо, – довольно пояснила старуха, – белковый омлет. Как раз то, что нужно для ужина, легко, быстро усваивается, не отягощает печень.

Представляю, какую рожу скорчила наша кухарка Катя, готовя данное месиво. Стол поражал удручающей пустотой: ни сыра, ни масла, ни колбасы. Жаль, что не заехала в «Макдоналдс»!

Стараясь не подавиться, я принялась, не жуя, чтобы не ощущать мерзкого отсутствия всякого вкуса, глотать омлет.

– Кстати, – сообщила Римма Борисовна, – Гера договорился о встрече с девушкой. Расскажи, сыночек.

Всегда скорбно молчащий, Гера вытащил из кармана смятый листок и ткнул мне в руки. При ближайшем рассмотрении это оказалась страница брачных объявлений газеты «Из рук в руки». Выделялись подчеркнутые красным фломастером строки: «Молодая брюнетка, без материальных и жилищных проблем, москвичка с высшим образованием и хорошей работой, без детей, одинокая, ищет родственную душу для заключения брака».

Ты: мужчина вокруг тридцати, самостоятельный, без вредных привычек, рост выше 180, с жилплощадью и хорошей зарплатой. Судимых, разведенных с детьми и алкоголиков просят не беспокоиться».

Я перевела взгляд на Геру. Интересно, как он собирается понравиться невесте? Ростом мужик с меня, а я тяну только на метр шестьдесят четыре. Лет ему около сорока, а если уж совсем честно, то все сорок пять. Квартирка, правда, есть, но за тридевять земель, на двоих с мамой. Зарплата просто великолепная, когда выплачивают – целых семьсот рублей в месяц выходит. Вот вредных привычек нет: не курит, не пьет, за бабами не бегает. Да ведь и не на что!

– Конечно, – щебетала Римма Борисовна, – нужно сначала посмотреть вблизи, познакомиться. Мы попросили Регину, чтобы она завтра приехала сюда к ужину. Ты уж извини, скажи, что это наш дом, чтобы не пугать сразу провинцией. А там поглядим.

Вот оно как. Конечно, увидав двухэтажный кирпичный дом с гаражом на три машины, большой сад, прикинув, сколько стоит обстановка и картины, милая Регина скорее всего полюбит Геру.

– Только одеть надо жениха поприличней, – посоветовала Нина Андреевна, – может, у Аркаши костюм одолжим?

– Нет, – быстренько сказала я, – у Кеши совершенно другой размер. Лучше поезжайте завтра с утра в магазин и купите все, что нужно. Считайте, что это мой подарок Гере.

Часов в одиннадцать вечера в дверь поскреблись. В спальню вошел Кеша с большим пакетом.

– На, – сказал он, протягивая «биг-мак», – Маньке уже дал, бабки совершенно несъедобные заказывают, так и с голоду умереть можно.

Полная благодарности, я вцепилась зубами в булочку и спросила:

– Кешкин, зачем Макс просил куриный окорочок?

– Съесть хочет, – удивленно пояснил Аркашка, – все адвокаты подзащитных кормят, а ножку очень удобно проносить, опять же калорийная еда.

Проглотив последний кусок восхитительной котлеты, я блаженно закрыла глаза. Иногда на сложные вопросы существуют самые простые ответы!

Глава 9

Утром прошла прямо на кухню. Выпью здесь кофе и съем спокойно бутерброды с изгнанными ветчиной и сыром. Но такая мысль пришла в голову не мне одной. У буфета маячила Манюня с куском буженины.

– Смотри, – хихикнула я, – сейчас бабульки увидят розовые джинсы и топик!

Маруся горестно вздохнула:

– Жуть! Представляешь, всегда с такими жить?! Как только другие дети бабушек выносят, не пойму! Знаешь, Мусик, я не пойду через парадную дверь, вылезу наружу прямо из окна.

Не слушая причитаний кухарки Катерины, Маня быстренько запихнула в рот последний кусок буженины и выпрыгнула в сад. Через секунду ее растрепанная голова показалась над подоконником.

– Только не волнуйся! Приеду поздно, около десяти. После академии зайду к Хейфецам.

Катка сокрушенно вздохнула:

– Ваши гости такие странные. Сегодня к завтраку опять овсянка на воде, на обед – молочный суп, а на ужин паровые котлеты с морковкой. То-то Аркадий обрадуется.

Это точно, просто как на подбор такие блюда, которые сын даже нюхать не может. Я тихо допивала кофе, когда в коридоре раздались шаги. Встречаться с одной из свекровей? Ни за что! Я моментально выпрыгнула в окно и, пригибаясь, как под обстрелом, побежала в гараж. Поеду еще раз к Семену, надеюсь, мужик проспался и Адка уехала снова на дачу.

Сеня был абсолютно трезв и даже не попытался изобразить радость при моем виде.

– Ну, чего еще надо? – пролаял он, загораживая вход.

– Будешь хамить, расскажу Аде, как скучаешь в ее отсутствие, – пригрозила я.

Неверный муж вздохнул и посторонился. Из вредности не стала надевать предложенные тапки, а прямо в босоножках протопала на кухню.

– Говори, зачем явилась, или теперь каждое утро станешь приезжать? – съехидничал мужик.

Я собралась достойно ответить, но тут мой живот немилосердно заболел.

– Сейчас объясню, – пообещала я, спешно скрываясь в туалете.

Дом у Воробьевых старый, квартиру строили в конце семидесятых. Планировка стандартная, и туалет прилегает к кухне. Что, согласитесь, не очень приятно! Кто-то завтракает, а кому-то надо совсем наоборот. Да еще между пищеблоком и уголком задумчивости архитекторы зачем-то спланировали окошко. На мой взгляд, просто верх глупости.

Не успела я удобно пристроиться, как в дверь позвонили. Сеня потопал к выходу.

– Адка? – раздался его недоумевающий голос. – На поезд опоздала!

Тяжелые шаги прошлепали на кухню, потом Аделаида сказала:

– Небось рад, что один остался?

– Ты чего? – возмутился Сеня. – Намазалась, как проститутка, где взяла такое идиотское платье?

– Сейчас узнаешь, – пообещала женщина.

– Нет, – заорал вдруг мужик, и следом раздался легкий хлопок, будто открыли бутылку вина.

Быстрее кошки я влезла на унитаз и глянула в окошко.

От увиденного чуть не грохнулась в обморок. Сеня лежал навзничь на полу, как-то странно выкрутив левую руку. Под головой медленно растекалась черная, глянцевая лужа. Над телом, растопырив ноги, стояла весьма довольная Ада. Она и впрямь слишком сильно нарядилась для солнечного июньского утра. Полное, крупное тело обтягивало кричаще-красное

платье-стрейч. Сидело оно на женщине туго, как презерватив. В руках милая жена сжимала пистолет.

Онемев, я наблюдала, как Аделаида абсолютно профессиональным движением бросила револьвер на пол. Потом хмыкнула и, напевая, двинулась к двери. Высокие каблуки подчеркивали довольно широкую и плоскую ступню. Что-то в облике женщины показалось мне странным. Пока я, обалдев, стояла на унитазе, госпожа Воробьева протопала к двери и... ушла.

Я ринулась на кухню. Мужик лежал абсолютно неподвижно. Схватив его за плечи, повернула каменное тело и ахнула. Между бровями виднелась аккуратная дырочка. Ада стреляла, как снайпер, и помочь Сене уже не представлялось возможным. Стараясь не вляпаться в кровавую лужу, я отступила к порогу, потом позвонила Александру Михайловичу.

Ждать бригаду в одном помещении с трупом, когда туда может вновь явиться убийца-психопатка? Ну уж нет!

Выйдя на улицу, я закурила и плюхнулась на скамейку около молодых мамаш. Девчонки поморщились, но ничего не сказали. Потом одна возобновила прерванный моим появлением разговор:

– А эта Воробьева все-таки страшно безвкусно одевается!

– И не говори, – откликнулась вторая, – старуха совсем, скоро пятьдесят, а красное платье нацепила в обтяжечку.

– Подчеркивать, что все обвисло!

– Да уж, в ее возрасте поскромнее следует прикид выбирать! Куда с такой жопой стрейч натягивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.